П-136

ВОЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

П-3931

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

Государственное Географическое Общество
БИБЛИОТЕКА

ТОМЪ XXI

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи

—

1861

ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ ВЪ 1717 ГОДУ

ОТРЯДА, ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ПОЛКА

КАПИТАНА КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА БЕКОВИЧА-ЧЕРКАССКАГО (*).

Въ 1839 году предпринята была, зимою, экспедиція въ Хиву, подъ начальствомъ командовавшаго тогда Оренбургскимъ корпусомъ генералъ-адъютанта Перовскаго. Жестокая стужа и бураны воспрепятствовали пятитысячному отряду нашему достигнуть Хивы и наказать Хивинцевъ за ихъ разбои и содержаніе въ тяжкомъ рабствѣ, захваченныхъ въ разное время, русскихъ подданныхъ, преимущественно изъ рыбопромышленіковъ Каспійскаго моря.

Еще не успѣлъ сильно пострадавшій отрядъ нашъ возвратиться изъ степи, какъ блаженной памяти Императоръ Николай повелѣлъ сдѣлать немедленно всѣ необходимыя распоряженія для вторичнаго похода въ Хиву.

Но, въ 1840 году, ханъ хивинскій изъявилъ покорность, выдалъ болѣе 500 Русскихъ, находившихся въ неволѣ, и объявилъ фирманъ, запрещавшій на всемъ протяженіи его владѣній держать Русскихъ въ рабствѣ; почему вторичный походъ и признанъ былъ излишнимъ.

(*) Къ статьѣ приложена карта похода.

Во время приготовленiй ко вторичному походу, по Высочайшему повелѣнiю, были собраны разныя свѣдѣнiя объ экспедицiи князя Бековича въ Хиву, въ 1717 году, и все, что можно было найдти по этому предмету, было доставлено графу Перовскому для соображенiя. Такъ г. военнымъ министромъ были присланы между прочимъ:

1) Всеподданнѣйшая докладная записка генералъ-адъютанта князя Меншикова, заключавшая въ себѣ и свѣдѣнiя объ экспедицiи князя Бековича въ Хиву.

2) Копiи съ донесенiй: генералъ-адмиралу графу Апраксину князя Бековича и поручика Кожина, и съ донесенiя казанскаго губернатора о погибели князя Бековича.

3) Рапорты полковника фонъ-деръ-Видена къ графу же Апраксину объ экспедицiи князя Бековича.

4) Записка, составленная въ Департаментѣ Генеральнаго Штаба по документамъ, хранящимся въ архивѣ онаго, о поѣздкахъ князя Бековича къ восточному берегу Каспiйскаго моря и его походѣ въ Хиву.

Но еще важнѣе свѣдѣнiя объ экспедицiяхъ князя Бековича собраны, также въ 1840 году, въ штабѣ астраханскаго военнаго губернатора. Трудамъ старшаго адъютанта этого штаба, гвардiи поручика Плотникова, и особенно чиновника Археографической Коммиссiи, старшаго учителя Матвѣева, при дѣятельномъ участiи, бывшаго тогда астраханскимъ вице-губернаторомъ Пфеллера, мы обязаны собранiемъ неизвѣстныхъ до того времени матерiаловъ. Сюда относятся:

1) Переводы съ восточныхъ языковъ и копiи съ подлинныхъ актовъ, хранящихся въ архивѣ астраханскаго калмыцкаго управленiя, относящихся до бывшаго въ Астрахани съ 1715 года хивинскаго посла Ашуръ-Бека, дѣйствiй тюпъ-караганскихъ Туркменъ въ 1715, 1716, 1717 и 1719 годахъ и экспедицiи князя Бековича.

2) Упомянутыя уже копiи съ донесенiй графу Апраксину полковника фонъ-деръ-Видена, князя Бековича и казанскаго губернатора.

3) Указанiе, въ какихъ именно астраханскихъ архивахъ и дѣлахъ находятся свѣдѣнiя объ экспедицiи князя Бековича, съ краткими извлеченiями изъ оныхъ.

4) Копiи съ показанiй лицъ, участвовавшихъ въ экспеди-

ціяхъ князя Бековича и впослѣдствіи возвратившихся въ Россію, а именно показанія: Туркменца Ходжи Нефеса, юртовскаго Татарина Алтына Уссеинова, и яицкихъ казаковъ: Татарина Урзаметя Ахметева, Федора Емельянова, Михаила Бѣлотелкина (*), и подъячаго Волковойкова.

Этими матеріалами мы воспользовались для составленія историческаго очерка экспедиціи князя Бековича-Черкасскаго въ Хиву, и какъ всѣ указанные матеріалы находятся въ архивѣ генеральнаго штаба отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, то, ссылаясь на нихъ въ нашемъ очеркѣ, мы считаемъ достаточнымъ только нѣкоторые изъ нихъ помѣстить въ приложеніяхъ, указавъ, въ надлежащихъ мѣстахъ, несогласія въ показаніяхъ очевидцевъ, по большей части весьма незначительныя.

I.

Въ сѣверо-восточной части Каспійскаго моря, на Мангишлакскомъ полуостровѣ, мысъ Тюпъ-Караганъ издавна посѣщался астраханскими жителями для торговли на этомъ мѣстѣ съ Туркменцами. Русскіе и Татары ѣздили туда на малыхъ судахъ, компаніями.

1713 года, съ одною изъ такихъ компаній, прибылъ въ Астрахань знатный Туркменъ, Ходжа Нефесъ, и объявилъ проживавшему въ Астрахани князю Михаилу Симонову (1), что онъ имѣетъ открыть русскому государю дѣло великой, для государства, важности. Князь Симоновъ проводилъ Нефеса въ С.-Петербургъ, гдѣ, при посредничествѣ гвардіи поручика Александра Бековича князя Черкасскаго (2), бывшаго у государя въ милости,

---

(*) Показанія первыхъ пяти лицъ помѣщены уже въ приложеніи къ статьѣ г. А. Н. Попова о «сношеніяхъ Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ». См. «Вѣстн. Импер. Русск. Географ. Общ.» 1853 г., кн. IX, стр. 237. Тамъ же изложена сущность похода Бековича, на основаніи тѣхъ пяти показаній, журнала Петра Великаго и статьи Миллера «О песочномъ золотѣ въ Бухарѣ 1763 г.»

(1) Родомъ Персіянинъ, изъ Гиляни, гдѣ былъ бекомъ; переѣхалъ въ Россію и принялъ христіанскую вѣру. Иногда въ актахъ онъ называется княземъ Симоновымъ и кн. Замановымъ. Зарѣзанъ въ 1717 году, въ Хивѣ.

(2) Родомъ изъ Кабарды, въ то время называвшейся Черкасскою землею, отъ чего онъ, вѣроятно, и получилъ прозваніе Черкасскаго. Это потверждается однимъ изъ донесеній его Петру Великому, гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: «писали ко мнѣ изъ Черкасской земли братья мои». Названіе же Бековичъ, вѣроятно,

представленъ былъ Петру Великому, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Туркменцемъ, въ 1714 году.

Открытіе Туркменца Нефеса состояло въ томъ, «что въ странѣ, лежащей при р. Аму, добывается песочное золото и что хотя рѣка эта, впадавшая прежде въ Каспійское море, ради безопасности отъ Русскихъ, Узбеками (Хивинцами) и отведена въ Аральское море, но, перекопавъ плотину, можно обратить рѣку въ прежнее русло, въ чемъ Русскимъ будутъ помогать и Туркменцы».

Въ это же время, прибылъ въ столицу воевода сибирскій князь Гагаринъ съ извѣстіемъ о добываніи песочнаго золота въ Малой Бухаріи (китайскомъ Туркестанѣ), а находившійся тогда при дворѣ хивинскій посолъ Ашуръ-Бекъ (3), подтвердивъ показанія Нефеса, увѣрялъ, что р. Аму-Дарья въ вершинѣ своей дѣйствительно вымываетъ золотой песокъ, и предложилъ государю построить укрѣпленіе на 1,000 человѣкъ у стараго устья р. Аму, при Каспійскомъ морѣ. (См. приложеніе № 1, пунктъ 1.)

Петръ I, среди неусыпныхъ заботъ о соединеніи Россіи съ Европою, не переставалъ думать и о расширеніи торговыхъ сношеній нашихъ съ Азіею, питая надежду сдѣлать Россію, со стороны Каспійскаго моря, торговымъ рынкомъ европейскихъ произведеній для Азіи и азіятскихъ для Европы. Доказательствомъ тому служатъ его посольства въ Персію, Китай и даже Индію (4), съ цѣлью войдти въ близкія торговыя сношенія съ

произошло отъ слова бекъ. Князь Бековичъ былъ отправленъ за границу для изученія наукъ и въ особенности мореплаванія, а съ 1713 года дѣлается извѣстнымъ, какъ довѣренное лицо государя. Князь Бековичъ былъ женатъ на княжнѣ Маріѣ Борисовнѣ Голицыной, дочери извѣстнаго князя Бориса Алекс. Голицына, подъ надзоромъ котораго Петръ Великій воспитывался. (Изъ записки, составленной въ Департ. Генеральн. Штаба).

(3) Ашуръ-Бекъ, посланникъ хивинскій, былъ въ С.-Петербургѣ въ 1713 и 1714 годахъ. Онъ пользовался расположеніемъ Петра Великаго и былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ тогдашнимъ воеводою сибирскимъ княземъ Гагаринымъ. Предлагая устроить укрѣпленіе при старомъ устьѣ Аму, Ашуръ-Бекъ полагалъ, что оно должно находиться близъ Красноводской косы, и объявилъ, что ханъ не будетъ препятствовать работамъ для предполагаемаго отвода р. Аму-Дарьи въ старое русло. Въ 1715 году Ашуръ-Бекъ былъ отпущенъ изъ С.-Петербурга, но въ Астрахани задержанъ, вѣроятно, по случаю приготовленій къ экспедиціи на восточный берегъ Каспійскаго моря. (Изъ актовъ астраханскаго архива, извлеч. чиновн. Археографической Коммиссіи Матвѣевымъ. См. приложеніе *№* X.)

(4) Еще въ 1694 году былъ отправленъ въ Персію и Индію Семенъ *Маленькій*; но онъ умеръ въ Шемахѣ, а его спутники возвратились въ Астрахань. Почему

этими странами. Ближайшіе сосѣди наши, со стороны Каспійскаго моря, Хивинцы и Бухарцы, были уже съ давнихъ временъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Россіею: многіе изъ купцовъ хивинскихъ и бухарскихъ жили своими домами въ Казани и Астрахани, служившихъ тогда средоточіемъ нашей торговли съ Азіятцами; торговые ихъ караваны ходили въ Азію и обратно каждогодно. Неоднократно также, въ царствованіе Петра I, являлись къ намъ посланцы бухарскіе и хивинскіе.

Такъ, между прочимъ, въ 1700 году, прибылъ къ Петру Великому посолъ хана хивинскаго Шаніаза, который, боясь тогдашнихъ хивинскихъ смутъ и имѣя нужду въ покровительствѣ сильнаго государя, просилъ Петра принять Хиву въ свое подданство.

Граматою 30 іюня того же года, Петръ объявилъ хану Шаніазу свое соизволеніе на подданство ханства Хивинскаго Россіи (5), а въ 1703 году подтвердилъ оное новому хану хивинскому, Аранъ-Мамету (6).

Но ханы хивинскіе, страдая отъ самовластія Узбековъ (главныя племена ханства), противъ которыхъ искали они у Петра защиты, недостаточно были сильны, чтобы привести свои владѣнія въ полную зависимость Россіи; а Петръ I, занятый войною съ Шведами и Турками, долгое время лишенъ былъ возможности предпринять что либо для полнаго утвержденія за Россіею новоприобрѣтенной страны.

Только въ 1713 году прибытіе Нефеса въ С.-Петербургъ напомнило Петру I о Хивѣ, и онъ, въ это время прочно уже утвердившись при Балтійскомъ морѣ, восторжествовавъ надъ Карломъ XII и избавившись отъ турецкой войны, спѣшилъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами.

были для того же избраны Петромъ I, въ 1714 году, сначала хивинскій посолъ Ашуръ-Бекъ, а потомъ Тевкелевъ, который отправился изъ Астрахани одновременно съ княземъ Бековичемъ, но бурею былъ выброшенъ на берегъ у Астрабада и взятъ въ плѣнъ, изъ котораго освобожденъ нашимъ посломъ при персидскомъ дворѣ Волконскимъ, въ 1718 г., и отправленъ въ С.-Петербургъ. Тевкелевъ впослѣдствіи долгое время былъ главнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ нашихъ государей съ Киргизъ-Кайсаками. Порученіе проникнуть въ Индію имѣлъ и лейтенантъ Кожинъ.

(5) «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», томъ 4, 1700 г., 30 іюня, грамата Хану Шаніазу отвѣтная о принятіи его въ подданство.

(6) «Полное Собраніе Законовъ», томъ 4, 1703 г., мая мѣс., грамата юргенскому хану Аранъ-Мамету о милостивомъ содержаніи его въ подданствѣ.

Хива и Бухарія, не замѣчательныя сами по себѣ, по ничтожному развитію туземной промышлености и необилію естественныхъ произведеній, чрезвычайно важны какъ проводники торговли съ другими азіятскими странами, издавна славными разнообразнымъ богатствомъ даровъ природы, и потому обладаніе на первый разъ хотя одною Хивою, для дальновиднаго Петра, должно было имѣть великую цѣну, особенно съ тѣхъ поръ, какъ представлена была ему возможность обратить, величайшую изъ рѣкъ Средней Азіи, Аму въ Каспійское море (7) и тѣмъ открыть удобный путь сообщенія Россіи до отдаленныхъ предѣловъ Индіи.

Но прежде рѣшительныхъ предпріятій въ этомъ направленіи, съ цѣлью открыть для своего государства новые источники богатства въ золотоносныхъ хивинскихъ и бухарскихъ рѣкахъ, и особенно въ распространеніи торговли съ новыми землями, оставалось убѣдиться, въ какой степени полученныя свѣдѣнія достовѣрны. Въ такихъ видахъ Петръ I рѣшился отправить двѣ экспедиціи: одну отъ верховьевъ р. Иртыша въ Малую Бухарію, другую отъ Каспійскаго моря въ Хиву.

Первая экспедиція, подъ начальствомъ подполковника Бухгольца, пустившись по р. Иртышу, должна была возвести крѣпость у Ямышева озера (озеро Балхашъ) и оттуда идти къ г. Еркети (городъ Яркендъ), овладѣть имъ и развѣдать о мѣстахъ, гдѣ добывается золото.

Начальникомъ другой экспедиціи, въ Хиву, избранъ былъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ-поручикъ князь Александръ Бековичъ-Черкасскій.

II.

29 мая 1714 года состоялся «именный Его Царскаго Величества указъ» объ отправленіи князя Александра Черкасскаго «въ Хиву съ поздравленіемъ на ханство (8), а оттоль ѣхать въ Бу-

---

(7) Мнѣніе о томъ, что р. Аму-Дарья прежде впадала не въ Аральское, а въ Каспійское море, существуетъ донынѣ, и старое русло Аму называется Ачерби.

(8) О смерти хивинскихъ хановъ и о вступленіи новыхъ упоминается въ письмахъ Ашуръ-Бека. (Прилож. подъ № X, пункты 1 и 7.) Изъ этихъ писемъ хивинскаго посла видно: изъ перваго, что намѣсто умершаго въ Хивѣ Ядыгора-хана вступилъ ханъ Арянгъ, а изъ втораго письма, что ханъ убитъ, намѣсто его вступилъ другой—изъ Каракалпаковъ, но и тотъ умеръ, и что, наконецъ, утвердился Шпргазы, изъ Бухары.

хару къ хану, сыскавъ какое дѣло торговое, а дѣло настоящее, чтобъ провѣдать про г. Иркень (Яркендъ), сколько далекъ оный отъ Каспійскаго моря, и нѣтъ ли какихъ рѣкъ оттоль, или хотя не отъ самаго того мѣста, однакоже поблизости въ Каспійское море».

При томъ же указѣ, 29 мая 1714 года, князь Черкасскій получилъ отъ Петра I собственноручные пункты, или инструкцію, какъ поступать при исполненіи возложеннаго на него порученія, и указъ (9) ближнему боярину и воеводѣ казанскому Петру Самойловичу Салтыкову (10). Послѣднимъ повелѣвалось: «дать князю Черкасскому, отправленному для нѣкотораго нужнаго дѣла, о которомъ самъ объявитъ, въ Астрахань, и далѣе на Каспійское море, тысячи полторы воинскихъ людей, пять тысячъ рублей денегъ на всѣ расходы и, сверхъ того, исполнять безъ замедленія всѣ другія требованія князя Черкасскаго».

13 августа того же года князь Бековичъ прибылъ въ Казань и, вручивъ боярину Салтыкову Высочайшій указъ, 16 августа поспѣшилъ въ Астрахань, гдѣ занялся приготовленіями къ экспедиціи на восточный берегъ Каспійскаго моря. Приготовленія эти продолжались до половины октября, и 28 того же мѣсяца князь Черкасскій, съ своимъ отрядомъ, сѣлъ на суда въ Астрахани.

Флотилія князя Черкасскаго состояла изъ 2 шкунъ, взятыхъ изъ астраханскаго флота, 27 морскихъ струговъ и 1 буса, приготовленныхъ по его требованію.

Отрядъ экспедиціи состоялъ изъ 1,650 человѣкъ регулярной пѣхоты, а съ морскими и другими командами отрядъ этотъ заключалъ до 1,900 человѣкъ (11).

---

(9) Собственноручныхъ пунктовъ Петра Бековичу и указа Салтыкову въ «Полномъ Собраніи Законовъ» нѣтъ.

(10) Воевода, или губернаторъ казанскій управлялъ тогда всею юго-восточною Россіею съ Прикаспійскимъ краемъ.

(11) Отрядъ, посаженный на суда княземъ Бековичемъ въ 1714 г., имѣлъ слѣдующій составъ:

Полкъ полковника Зажарскаго изъ Астрахани, въ немъ съ шт. и оберъ-оф.	1,487
— — — — Саратова	95
— — — — Самары	68
Изъ бывшихъ въ Хивѣ яицкихъ казаковъ (уральцевъ) пѣшихъ	94
При 19 орудіяхъ артиллерійской команды съ мастеровыми	33
Морской команды съ вольнонаемными до	100
Итого	1,877

7 ноября, вся флотилія изъ «астраханскихъ черней» вышла въ море и направилась къ Гурьеву-городку, лежащему при впаденіи р. Яика (нынѣ Уралъ) въ Каспійское море; но позднее осеннее время не благопріятствовало экспедиціи: суда затирало льдомъ между Астраханью и Яикомъ, и князь Бековичъ, съ значительными потерями (12), принужденъ былъ возвратиться, съ своей флотилией, въ Астрахань, въ началѣ декабря.

Снесясь съ казанскимъ губернаторомъ Салтыковымъ о высылкѣ къ веснѣ въ Гурьевъ-городокъ 500 конныхъ яицкихъ казаковъ, безъ которыхъ, какъ писалъ князь Черкасскій, невозможно было ему обойдтись при исполненіи возложеннаго на него порученія, и, распорядившись о пополненіи своей флотиліи 20 вновь изготовленными бригантинами, князь Бековичъ отправился въ отечество свое Кабарду, чтобъ взять оттуда нѣкоторыхъ изъ преданныхъ ему людей, и, возвратившись къ веснѣ въ Астрахань, вторично пустился, съ своимъ отрядомъ, въ море, 25 апрѣля 1715 года, направляясь, по прежнему, къ устью Яика, гдѣ у Гурьева его ждалъ уже, высланный Салтыковымъ, конный отрядъ яицкихъ казаковъ.

Изъ донесенія отъ 10 іюня 1715 г. въ Казань, видно, что князь Бековичъ высланныхъ въ Гурьевъ казаковъ отпустилъ обратно на Яикъ; но почему онъ это сдѣлалъ, положительно рѣшить нельзя. Надо предполагать, что, ознакомившись ближе и на мѣстѣ, съ положеніемъ дѣлъ, онъ рѣшилъ, что его отрядъ недостаточенъ для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Хивы, и потому, рѣшившись собрать только предварительныя свѣдѣнія, онъ отпустилъ казаковъ, тѣмъ болѣе, что коннаго ихъ отряда взять съ собою на судахъ не было возможности.

Отъ Гурьева флотилія направилась, къ туркменскимъ кочевьямъ, на восточный берегъ Каспійскаго моря и, достигнувъ

Сверхъ того, при князѣ Бековичѣ находились:

Флота капитанъ Реншель, съ 10 другими морскими офицерами, отправленные, по его требованію, для снятія плановъ съ предположенной къ осмотру мѣстности восточнаго берега Каспійскаго моря, 14 астраханскихъ дворянъ для исполненія особыхъ порученій, 4 подъячихъ для письмоводства и 1 толмачъ для необходимыхъ сношеній съ Туркменцами и другими Азіятцами. Придавъ, кромѣ князя Бековича и капитана Реншеля, къ итогу и этихъ 23 человѣкъ, получимъ всего 1,900 человѣкъ.

(12) Два струга съ провіантомъ затерло льдомъ въ устьѣ Яика, два же въ устьѣ Терека, и одинъ пропалъ безъ вѣсти.

Тюпъ-Караганскаго мыса, князь Черкасскій высадился, со всѣмъ своимъ отрядомъ, на берегъ (13). Собравъ кочевавшихъ около тѣхъ мѣстъ, подвластныхъ калмыцкому хану Аюкѣ (14), туркменскихъ владѣтелей, распрашивалъ ихъ о прежнемъ устьѣ Аму-Дарьи при Каспійскомъ морѣ и о томъ, какъ бы возвратить эту рѣку въ старое русло. Туркменцы объявили, что если отъ р. Аму прокопать каналъ, верстъ около 20, до извѣстнаго имъ дола или прежняго русла ея, то она снова потечетъ въ Каспійское море, куда впадала прежде у «Красныхъ Водъ» (Красноводскій заливъ). Для удостовѣренія въ томъ, князь Бековичъ отправилъ астраханскихъ дворянъ Николая Федорова и Ивана Званскаго, съ Туркменцемъ Ходжею Нефесомъ, который по торговымъ дѣламъ неоднократно бывалъ въ Хивѣ и Бухарѣ и зналъ всю эту мѣстность. По осмотрѣ мѣстности, всѣ они должны были направиться къ «Краснымъ Водамъ», гдѣ предполагалось прежнее устье Аму и куда, со всѣмъ отрядомъ, князь Черкасскій отплылъ изъ Тюпъ-Карагана.

Отъ Тюпъ-Карагана издавна былъ торговый путь въ Хиву, по которому и отправился Ходжа Нефесъ, съ дворянами Федоровымъ и Званскимъ. Чрезъ 17 дней (15) ѣзды на верблюдахъ прибыли они къ хивинскому урочищу Карагачъ, куда выходила и большая караванная дорога изъ Астрахани въ Хиву. Здѣсь, верстахъ въ двухъ отъ р. Аму-Дарьи шелъ земляной валъ вышиною въ 1¼ аршина, шириною сажени въ 3, а длиною верстъ около 5. Рѣка Аму, бывшая тогда въ разливѣ, доходила до самаго этого вала. Отсюда, оставивъ большую хивинскую дорогу вправѣ, шли они степью и, пройдя около 20 верстъ, увидѣли «долъ», который, по увѣренію Туркменцевъ, служилъ, въ прежнее время, русломъ р. Аму-Дарьи. Три дня потомъ они шли тѣмъ доломъ до урочища Ата-Ибрагимъ и, во время пути, видѣли по обѣимъ сторонамъ дола (русла) слѣды селеній и го-

---

(13) Показаніе дворянина Федорова.

(14) Владѣнія калмыцкаго хана Аюки простирались отъ Усть-Урта (плоская возвышенность между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, съ крутыми, обрывистыми скатами—см. карту) по сѣверо-западному берегу Каспійскаго моря, по низовьямъ Волги и до земель кубанскихъ. Ханъ Аюка признавалъ надъ собою власть Петра I и, по его повелѣнію, долженъ былъ содѣйствовать предпріятію князя Бековича.

(15) По показанію Федорова, ѣхали они до урочища Карагачъ 17 дней, а по показанію Ходжи Нефеса всего только 11 дней, что менѣе вѣроятно.

родовъ; а проведенные, въ разныхъ мѣстахъ, изъ того дола (по-видимому, на пашни и къ жилищамъ) каналы еще болѣе утвердили ихъ въ той мысли, что здѣсь дѣйствительно когда-то протекала рѣка. Ходжа Нефесъ объявилъ бывшимъ съ нимъ астраханскимъ дворянамъ, что долъ, по которому они слѣдовали до Ата-Ибрагима, идетъ непрерывно къ самому морю (Каспійскому), но далѣе вести, несмотря на всѣ просьбы, отказался, боясь нападенія Хивинцевъ или другихъ какихъ разбойниковъ. Съ такими извѣстіями посланные явились къ князю Черкасскому на «Красныя Воды». Изъ «Красныхъ Водъ», для большаго удостовѣренія, князь Черкасскій отправилъ астраханскаго дворянина Алексѣя Тараковскаго, съ нѣсколькими Туркменцами, поручивъ ему осмотрѣть означенный долъ со стороны Каспійскаго моря до урочища Ата-Ибрагимъ. До этого урочища, однакожь, Туркменцы его не довели, но увѣряли, что такой же долъ, какой видѣли посланные съ Нефесомъ дворяне, идетъ отъ самаго моря до степей хивинскихъ. Этого было достаточно, чтобы князь Черкасскій не сомнѣвался болѣе, что старое русло Аму найдено, и что рѣка эта изливалась прежде въ Балханскую бухту, самую вдавшуюся часть Красноводскаго залива.

Объ успѣхахъ своихъ изысканій онъ донесъ государю, отправивъ къ нему и снятыя морскими офицерами карты видѣннаго ими восточнаго берега Каспійскаго моря, и возвратился 9 октября 1715 года, съ своей флотиліей, въ Астрахань, пробывъ въ экспедиціи съ 25 апрѣля по 9 октября, то есть пять съ половиной мѣсяцевъ (16).

Получивъ донесеніе князя Черкасскаго, Петръ I, отъ 27 января 1716 года, указалъ отправить флота поручика Кожина въ Астрахань, съ тѣмъ, чтобъ онъ «осмотрѣлъ и описалъ всѣ берега, гавани и рѣки Каспійскаго моря, а также лежащіе близъ береговъ его острова, и если найдетъ неточными карты князя Черкасскаго, то посѣтилъ бы и тѣ мѣста, которыя имъ осмотрѣны; а по окончаніи этого дѣла крейсировать все море и на-

---

(16) Изъ двухъ донесеній казанскаго губернатора Салтыкова усматривается, что на снаряженіе этой экспедиціи издержано 30,638 руб., взято у посадскихъ людей подъ экспедицію 16 струговъ, воинскихъ людей дано, отколѣ удобнѣе, 1,500 человѣкъ и 100 человѣкъ яицкихъ казаковъ; люди снабжены были мундирами, шубами и всѣми нужными припасами, свинцомъ, порохомъ и проч. (Изъ записки, составленной въ Департ. Генер. Штаба.)

ложить на карту» (17). Самому князю Черкасскому повелѣно было поспѣшить въ Петербургъ, для личныхъ объясненій съ государемъ.

На пути въ Петербургъ, князь Черкасскій, 31 января 1716 года, узналъ въ Москвѣ, что государь отправился въ Ригу, почему поспѣшилъ туда и, при личномъ объясненіи съ государемъ, съумѣлъ подать большую надежду на успѣхъ вторичной экспедиціи, почему Петръ изъ Либавы сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія къ новому предпріятію на Хиву, а князя Черкасскаго, за предварительные его труды, тутъ же пожаловалъ въ капитаны гвардіи и назначилъ снова начальникомъ экспедиціи.

III.

14 февраля 1716 года состоялся слѣдующій Его Царскаго Величества именной указъ Сенату: «Господа Сенатъ! Понеже капитана князя Черкасскаго отправили Мы паки туда, откуда онъ пріѣхалъ, и что ему тамъ велѣно дѣлать, о томъ дали ему пункты, и чего онъ противъ всѣхъ пунктовъ будетъ отъ васъ требовать, также и сверхъ того, и въ томъ чините ему отправленіе безъ задержанія». У подлиннаго письма приписано Его Императорскаго Величества собственною рукою такъ: «Петръ изъ Лобау, 14 дня февраля 1716 года». При этомъ указѣ дана была князю Бековичу особая инструкція, заключавшая въ себѣ 13 написанныхъ Его Величества рукою пунктовъ (18), которыми повелѣвалось князю: ѣхать снова въ Астрахань, принять тамъ начальство надъ отрядомъ (изъ назначенныхъ къ тому 4,000 пѣхоты, 1,500 яицкихъ и 500 гребенскихъ казаковъ, до 100 человѣкъ драгунъ и судовъ сколько потребуется); построить при бывшемъ устьѣ Аму, у Красноводскаго залива, крѣпость на 1,000 человѣкъ; направить часть отряда изъ Астрахани сухимъ путемъ, подъ видомъ конвоированія торговаго каравана, къ рѣкѣ Аму, гдѣ у вала (при урочищѣ Карагачъ), или у какого другаго

(17) Вскорѣ затѣмъ Кожинъ получилъ особое назначеніе, при новой экспедиціи князя Черкасскаго, какъ объяснено далѣе въ текстѣ. (См. прилож. № I, пункты 10 и 13.)

(18) Указъ этотъ, равно какъ и собственноручные пункты, помѣщаемые нами въ приложеніи подъ № I, заимствованы изъ записки, составленной въ Департам. Генер. Штаба.

мѣста, удобнаго для направленія той рѣки въ прежнее русло, устроить тайно отъ Хивинцевъ крѣпость; отряду же изъ Красноводской крѣпости слѣдовать по старому руслу Аму до настоящей рѣки и, соединившись тамъ, въ нововозведенной крѣпости, по берегу идти въ Хиву; тщательно осмотрѣть теченіе Аму и плотины и сообразить, нельзя ли плотинами заградить ей пути въ Аральское море, и сколько потребуется на то рабочихъ; прибывъ въ Хиву посломъ (19), склонить хана къ русскому подданству, обѣщая наслѣдственность ханскаго достоинства въ его родѣ и русскую гвардію къ его особѣ, для личной безопасности; по утвержденіи же русскаго владычества въ Хивѣ, отправить оттуда два торговыя посольства: къ хану бухарскому и моголу индійскому (20), первое—съ цѣлью склонить, если можно, и бухарскаго хана признать власть Русскихъ, а второе—съ цѣлью открыть по рѣкѣ Аму торговый путь въ Индію, гдѣ развѣдать о естественныхъ произведеніяхъ и товарахъ индѣйскихъ, а также и о томъ, нѣтъ ли оттуда какого ближайшаго пути къ Каспійскому морю, и если есть, то онымъ и возвратиться въ Россію, наложивъ оба пути на карту. Кромѣ того, какъ упомянутая нами въ первой главѣ экспедиція подполковника Бухгольца въ Малую Бухарію не удалась, то князю Бековичу поручалось изъ Хивы же отправить нѣсколько Русскихъ съ хивинскимъ караваномъ къ Иркени (Яркенду), для изслѣдованія тѣхъ странъ, теченія рѣки Сыръ-Дарьи и мѣстъ добычи золотаго песку.

Для устройства крѣпостей, князю Бековичу назначалось два инженера, а для посольствъ въ Бухарію, Индію и къ Еркети—флота поручикъ Кожинъ, съ нѣсколькими морскими офицерами и купцами.

Кожину, который долженъ былъ отправиться изъ Хивы съ двумя купцами въ Индію, начертана была Петромъ I особая инструкція, изъ пяти пунктовъ состоящая (21) и опредѣлявшая

---

(19) Граматы князю Черкасскому даны были къ ханамъ бухарскому и хивинскому и къ великому моголу въ Индію. (См. прилож., № I, пунктъ 9.)

(20) Еще въ 1714 году проникнуть въ Индію и возвратиться оттуда съ товарами въ Петербургъ поручено было хивинскому послу Ашуръ-Беку, задержанному тогда же въ Астрахани. (См. письмо о томъ Ашуръ-Бека въ прилож. № X, пунктъ 2.)

(21) См. прилож. № II.

цѣль посольства въ Индію—разузнать о путяхъ туда и изслѣдовать о выгодахъ торговыхъ сношеній съ нею.

Не щадя средствъ для успѣшнаго хода задуманнаго предпріятія въ Хиву, Петръ предписалъ отъ 14 февраля 1716 года: 1) «Господамъ Сенату» отпустить, какъ уже сказано выше, для экспедиціи все, чего будетъ требовать Черкасскій по даннымъ ему пунктамъ, и, «сверхъ оныхъ», и 2) казанскому губернатору доставлять для экспедиціи все, «какъ по указамъ о томъ Сената, такъ и сверхъ оныхъ» (22).

4 марта князь Черкасскій прибылъ въ С.-Петербургъ, явилъ Высочайшій указъ Сенату и изложилъ свои требованія въ 13 пунктахъ (23), а 14 марта, «слушавъ оныхъ пунктовъ», Сенатъ опредѣлилъ (24): а) откуда взять для экспедиціи пѣхоту и драгунъ; б) время, на какое слѣдуетъ отпустить регулярному войску и казакамъ жалованье и провіантъ; в) какъ переправить пѣхоту на восточный берегъ Каспійскаго моря и кому держать расходъ по изготовленію къ тому судовъ; г) число слѣдующихъ къ покупкѣ вьючныхъ лошадей и верблюдовъ; д) откуда взять требуемыхъ княземъ Черкасскимъ артиллеристовъ и лекарей, а также назначенныхъ состоять при экспедиціи инженеровъ и купцовъ; е) на какую сумму купить для отправленія съ послѣдними товаровъ; ж) сколько человѣкъ отправить по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ и сколько имъ, а также Кожину, выдать денегъ на путевые расходы. Обо всемъ этомъ сдѣланы были Сенатомъ надлежащія распоряженія, а Посольскому Приказу поручено изготовленіе къ ханамъ хивинскому, бухарскому и къ моголу кредитивныхъ граматъ.

Самому князю Черкасскому опредѣлено было отпустить въ Москвѣ: «на полковые и другіе расходы, 1,000 руб.», дать отъ Москвы до Нижняго 30 подводъ, а отъ Нижняго до Астрахани два судна съ гребцами. Кромѣ того, особымъ Высочайшимъ указомъ повелѣвалось выдать Черкасскому 2,000 рублей ефимками (25).

Изъ С.-Петербурга князь Бековичъ-Черкасскій, облеченный

---

(22) Обоихъ указовъ этихъ нѣтъ въ «Полномъ Собраніи Законовъ». (Приведены изъ записки, составленной въ Департ. Генер. Штаба.)

(23) См. прилож. № III.

(24) См. прилож. № IV.

(25) Въ «Полномъ Собраніи Законовъ» этихъ указовъ нѣтъ.

полною довѣренностію государя и большими полномочіями (какъ слѣдуетъ заключить изъ вышесказаннаго), спѣшилъ чрезъ Москву и Казань въ Астрахань, гдѣ посланный, между тѣмъ, впередъ флота поручикъ Кожинъ изготовлялъ уже суда для перевозки войскъ на восточный берегъ моря. Въ скоромъ времени началъ собираться въ Астрахань, въ силу сенатскихъ распоряженій, и экспедиціонный отрядъ, въ который поступили слѣдующія войска (26):

а) *Пѣхотные полки.* Подъ начальствомъ подполковниковъ: Кушникова (Астраханской губерніи)—1,373 чел. всѣхъ чиновъ; Хрущова (Казанской губерніи)—1,254 чел.; фонъ-деръ-Видена (Азовской губерніи) — 1,100 чел. Всего пѣхоты—3,727 чел.

б) *Кавалеріи:* полкъ драгунъ, подъ начальствомъ маіора фонъ-Франкенберга—617 чел. всѣхъ чиновъ. Вмѣсто назначеннаго Сенатомъ своднаго баталіона изъ 400 пѣхотинцевъ, которые должны были поступить въ отрядъ экспедиціи изъ низовыхъ городовъ Казанской губерніи, князь Черкасскій потребовалъ у Салтыкова 5 эскадроновъ пензенскихъ драгунъ — 500 чел., а съ назначеніемъ 1 эскадрона астраханскихъ драгунъ — 100 чел., сформированъ былъ въ Астрахани полкъ въ 617 чел. всѣхъ чиновъ.

в) *Казаковъ*: 15 сотенъ яицкихъ, подъ начальствомъ атамана Бородина—1,500 чел.; 5 сотенъ гребенскихъ, подъ начальствомъ атамана Басманова—500 чел. Всего казаковъ 2,000 чел.

---

(26) По сенатскимъ указамъ (см. прилож. № IV), должны были поступить въ составъ экспедиціи:

3 полка регулярныхъ солдатъ (изъ губерній Астраханской и Азовской), по 1,200 человѣкъ въ каждомъ, а всего	3,600
1 баталіонъ, сводный изъ солдатъ разныхъ мѣстъ, всего	400
1 эскадронъ драгунъ астраханскихъ	100
15 сотенъ яицкихъ казаковъ	1,500
5 — гребенскихъ —	500
Пушкарей	24
Инженеровъ (съ нужнымъ числомъ лопатъ, кирокъ и проч. инструмент.).	2
Лекарей (съ годовою пропорціею лекарствъ)	3
Итого	6,129 чел.

Эскадронъ драгунъ сформированъ былъ въ Астрахани изъ шведскихъ плѣнныхъ, изъявившихъ желаніе участвовать въ походѣ.

Впослѣдствіи, по требованіямъ князя Бековича, показанный здѣсь составъ отряда измѣнился, какъ объяснено далѣе, въ текстѣ.

г) *Артиллеріи*: артиллерійская команда изъ 26 чел. ([27]) астраханской артиллеріи. Разнаго калибра орудій 22 ([28]), изъ разныхъ мѣстъ.

д) *Инженеровъ*: для руководства при построеніи крѣпостей высланы къ князю Черкасскому инженеръ 1 и инженерныхъ учениковъ 2. Всего 3.

е) *Морской команды*: всѣхъ чиновъ — 232 чел., а именно: изъ прежней морской команды 71 матросъ; набрано въ Астрахани княземъ Бековичемъ вновь (изъ садовничьихъ и солдатскихъ дѣтей) 146 чел. Итого 217 чел.

При морской командѣ находилось офицеровъ—4, штурманъ—1, морскихъ служителей и учениковъ—10. Итого 15 ([29]).

Слѣдовательно, всего морской команды—232 чел.

ж) *При отрядѣ экспедиціи состояло*: лекареі, чиновниковъ и дворянъ—46 чел.

1) Для продовольствованія войскъ, раздачи жалованья и наблюденія прочаго коммиссаріатскаго довольствія, избраны были княземъ Черкасскимъ изъ дворянъ Казанской губерніи: провіантмейстеръ – 1, коммиссаровъ—4, бригадъ-коммиссаръ—1, для надзора за коммиссарами, а для наблюденія за ними фискаловъ—2. Итого чиновниковъ 8 чел. ([30])

([27]) Собственно артиллеристовъ было только 19; но при нихъ находилось 4 слесаря и 3 плотника, которые тоже были обмундированы и вооружены (тесаками).

([28]) Въ Казани взято было . . . . . 2 мѣдныя пушки
— Астрахани — — . . . . . 4 — — и
9 чугунныхъ
Изъ Московск. артилл. прик. доставл. было. 7 мѣдн. 3-фунт. пушекъ
Итого 22 орудія.

Артиллерійскіе припасы доставлены изъ тѣхъ же мѣстъ.

([29]) При морской командѣ находились флота капитанъ Реншель, служившій въ морской астраханской командѣ, и командированный отъ С.-Петербургскаго Адмиралтейства флота поручикъ Кожинъ, который, какъ уже сказано выше, занимался въ Астрахани изготовленіемъ судовъ для переправы на восточный берегъ моря; кромѣ того, флота поручикъ Лебевъ, подпоручикъ Давыдовъ, штурманъ Брандтъ (Калмыкъ); шкиперовъ 2: Лебедевъ и Шишкинъ; учениковъ геометріи 4: Липицкій, Ковалевъ, Несміяновъ и Закурдаевъ; навигаторовъ 1 — Левитовъ; два парусныхъ швеца и 1 мачтовый ученикъ.

([30]) Провіантмейстеромъ былъ Акинфовъ, бригадъ-коммиссаромъ — маіоръ Волковъ, коммиссарами — Епанчинъ (Астрах. полка), Лемеховъ (Казанск. полка), Шахматовъ (Драгунск. полка); четвертаго коммиссара (Азовск. полка) имени не сохранилось. Фискалами казанскій губернаторъ назначилъ къ кн. Черкасскому: Ивана Трескина, Алекс. Мачихина, Ив. Шумкова и Ив. Баженова; но изъ письма кн. Черкасскаго въ Казань (25 іюля 1716 г.) видно, что первые два фискала найдены имъ «негодными къ походу» и отосланы обратно.

2) Сверхъ того, по требованію князя Черкасскаго, прикомандированы были къ нему: для особыхъ порученій астраханскихъ дворянъ 21 чел. (31), медиковъ при каждомъ пѣхотномъ и драгунскомъ полку по одному, а всего—4, для письмоводства подъячихъ—15, толмачей—2. Итого дворянъ—42 чел.

А всего лекарей, чиновниковъ и дворянъ—50 чел.

Слѣдовательно, въ отрядѣ экспедиціи было всего: пѣхоты—3,727 чел. всѣхъ чиновъ, кавалеріи (драгунъ)—617 чел., казаковъ—2,000 чел., артиллеристовъ—26 чел., при 22 орудіяхъ, инженеровъ—3 чел., морской команды—232 чел. всѣхъ чиновъ, лекарей, чиновниковъ, дворянъ и проч.—46 чел.; а всего—6,655 человѣкъ.

3) *Снаряженіе экспедиціоннаго отряда. Провіантъ* на солдатъ, драгунъ и казаковъ положено выдать изъ Казани въ Астрахань на годъ, а изъ Астрахани въ морской походъ на полгода (32).

Въ степной походъ казакамъ и драгунамъ на три мѣсяца провіанта, который они должны были взять на своихъ вьючныхъ лошадяхъ (въ прибавокъ къ которымъ куплено было драгунамъ 50 лошадей, то есть по одной на двухъ человѣкъ); а для перевозки въ степи трехъ-мѣсячной пропорціи провіанта прочихъ войскъ куплено въ Астрахани 200 верблюдовъ, по 10 руб. за каждаго.

Сверхъ провіанта положено выдать: на солдатъ и драгунъ рыбы, сазановъ или осетровъ коренныхъ по полупуду на человѣка, да вина и уксусу по ведру на человѣка, и по шубѣ каждому, купивъ цѣною по полтинѣ.

Жалованье штабъ и оберъ-офицерамъ регулярныхъ войскъ опредѣлено выдать за годъ полное, армейское, а нижнимъ чинамъ по 15 алтынъ въ мѣсяцъ. Казакамъ же по слѣдующему окладу: атаманамъ по 40 руб., полковникамъ по 25 руб., есауламъ, знаменщикамъ и полковому писарю по 15 р., а простымъ казакамъ по 10 руб. на человѣка.

---

(31) Изъ астраханскихъ дворянъ извѣстны: кн. Михаилъ Симоновъ (онъ же назывался иногда Самановымъ и Замановымъ); Алекс. Святой, Иванъ Воронинъ, Корейтовъ, Мартьяновъ, Званскій и Кирьякъ Економовъ; а изъ подъячихъ — Волковоиновъ. (Заимствовано изъ записки, составл. въ Департ. Генеральн. Штаба.)

(32) Провіантъ и другіе припасы опредѣлено отправлять изъ Астрахани, куда Бековичъ укажетъ, на наличныхъ судахъ, въ нѣсколько отпусковъ, а не разомъ, дабы безъ нужды не строить много судовъ.

Артиллерійскимъ приказомъ доставлены были въ Астрахань артиллерійскіе припасы.

Отрядъ былъ снабженъ нужнымъ количествомъ кирокъ, лопатъ, топоровъ и другихъ инструментовъ.

Отпущена также (лекарямъ) полная годовая потребность лекарствъ на регулярные полки.

Искуплено товаровъ для отправленія къ моголу на 5,000 р., да Кожину предназначено на провозъ товаровъ и другіе расходы 1,000 р. (33)

і) *Флотилія.* Флотилія экспедиціоннаго отряда состояла изъ слѣдующихъ судовъ:

Разныхъ названій судовъ	69
Новыхъ синявъ	4
Прежнихъ бригантинъ	18
Новыхъ	3
Прежнихъ шкунъ	4
Новыхъ	6
Бусовъ	31
Новыхъ лѣсныхъ паусковъ . . .	3
А всего разныхъ судовъ	138 (34).

(33) Деньги на расходы по снаряженію экспедиціи опредѣлено выдавать изъ соляныхъ доходовъ: князю Черкасскому и на покупку товаровъ изъ помѣстнаго приказа, казакамъ жалованье изъ Казани, а на строеніе судовъ и припасы, а также Кожину и на покупку шубъ—изъ Астрахани.

Изъ донесенія казанскаго губернатора Салтыкова отъ 10 мая 1717 г., усматривается, что изъ табельныхъ доходовъ Казанской губерніи на снаряженіе экспедиціи, по означенное число, издержано 218,081 руб. 30 алтынъ съ полуденьгою. Полагать должно, что въ эту сумму зачтены и прежде издержанные на снаряженіе перваго, почти 2,000-го отряда, 30,638 руб.; ибо если вычтемъ послѣднюю сумму изъ 218,081 руб., то все еще останется 187,443 руб., т. е. вдвое болѣе, чѣмъ сколько нужно на снаряженіе отряда въ три раза большаго (6,500).

Нельзя, однакожь, положительно сказать, чтобъ этимъ ограничились издержки, ибо деньги могли быть выданы и не изъ одной Казанской губерніи; къ тому же, въ концѣ своего донесенія Салтыковъ спрашиваетъ разрѣшенія: откуда держать расходъ, «если таковый на предъ по сему дѣлу случится»? Но о дальнѣйшихъ расходахъ (какъ, напримѣръ, на покупку верховыхъ лошадей для двухъ ротъ пѣхоты, для снаряженія купеческаго каравана и друг.), къ сожалѣнію, свѣдѣній не отыскано.

(34) По книгамъ ландрата Ждана Кудрявцева, которому опредѣлено было держать расходъ по изготовленію судовъ экспедиціи, всѣхъ изготовленныхъ судовъ съ 1716 по 1717 г. значится болѣе; но, по показаніямъ Флота поручика Кожина, участвовало въ экспедиціи вышеприведенное число—138 судовъ.

Планъ похода. На этой флотиліи, согласно инструкціи Петра Великаго, должно было перевезти въ Гурьевъ-городокъ и на восточный берегъ Каспійскаго моря: всю пѣхоту, часть спѣшенныхъ драгунъ, артиллерію, провіантъ для всего отряда на годъ, потребное число инструментовъ для крѣпостныхъ работъ и лѣса на избы гарнизонамъ. Казаки же, съ остальною частію драгунъ съ караваномъ, обозомъ, лошадьми спѣшенныхъ драгунъ и проч., должны были отправиться сухимъ путемъ изъ Астрахани чрезъ Гурьевъ въ Хиву, и одновременно съ ними другой отрядъ, изъ Красноводской крѣпости, по старому руслу Аму, а соединившись близъ рѣки Аму, совокупно дѣйствовать противъ Хивы, по обстоятельствамъ (см. прилож. № 1). Однакожь, какъ увидимъ ниже, планъ этотъ измѣнился: князь Черкасскій рѣшился дѣйствовать съ однимъ отрядомъ, сформированнымъ въ Астрахани.

Все лѣто 1716 года прошло въ приготовленіяхъ къ походу; наконецъ 20 сентября ([35]), оставивъ въ Астрахани казаковъ съ частію драгунъ, со всѣмъ остальнымъ отрядомъ князь Черкасскій сѣлъ на суда, а 9 октября флотилія благополучно прибыла въ Тюпъ-Караганскій заливъ.

Хотя Черкасскому поручалось устроить крѣпость только при бывшемъ устьѣ Аму на «Красныхъ Водахъ», однакожь урочище Тюпъ-Караганъ, находясь почти на срединѣ разстоянія между Астраханью и предполагавшеюся крѣпостью, представляло удобный промежуточный пунктъ для взаимнаго ихъ сообщенія. Притомъ, отъ Тюпъ-Карагана издавна шла торговая дорога въ Хиву, и, въ обоихъ случаяхъ, суда находили бы здѣсь хорошее якорное мѣсто; почему князь Бековичъ и рѣшился устроить здѣсь Тюпъ-Караганское укрѣпленіе, которое посвящено было, по окончаніи, имени св. Петра ([36]).

Въ Тюпъ-Караганѣ присоединился къ экспедиціи извѣстный Туркменецъ Ходжа Нефесъ и назначенъ быть проводникомъ су-

---

([35]) По вѣдомости астраханскаго оберъ-коменданта Чирикова—20 сентября, а по показанію Кожина—15 сентября.

([36]) По показанію Кожина, мѣсто подъ крѣпость было избрано неудобное, не имѣющее прѣсной воды, которая, въ выкапываемыхъ колодцахъ, становилась горькою черезъ сутки.

хопутной экспедиціи въ Хиву; но онъ впослѣдствіи, при видѣ опасности, бѣжалъ въ степи ([37]).

18 октября, князь Черкасскій поручилъ Кожину отвезти изъ крѣпости св. Петра, на данныхъ для того судахъ, флота подпоручика Давыдова въ городъ Астрабадъ ([38]), гдѣ испросить у правителя астрабадскаго пропускъ чрезъ его владѣнія русской миссіи въ Бухару, куда Давыдовъ назначенъ былъ посломъ царскимъ ([39]), и потомъ возвратиться къ «Краснымъ Водамъ».

23 октября, то есть спустя 5 дней по отправленіи Кожина, и самъ князь Бековичъ, оставивъ для окончанія и охраненія новаго укрѣпленія полковника Хрущова съ казанскимъ полкомъ и при немъ часть артиллерійской и морской командъ съ нѣсколькими орудіями ([40]) и судами, направился съ остальнымъ отрядомъ изъ Тюпъ-Карагана къ «Краснымъ Водамъ»; но, отплывъ около 120 верстъ на югъ, флотилія остановилась въ заливѣ Бехтиръ-Лиманъ, который былъ названъ по имени князя Бековича, Александръ-Баемъ. Тутъ заложена была другая крѣпость (Александровская), на мѣстѣ, весьма удобномъ къ защитѣ; почему въ гарнизонѣ оставлено было только три роты, подъ начальствомъ одного маіора (имени его не сохранилось) ([41]).

3 ноября, князь Бековичъ прибылъ къ «Краснымъ Водамъ» и заложилъ здѣсь третью и важнѣйшую крѣпость, у входа въ Балханскій заливъ, куда, по его мнѣнію, впадала прежде рѣка

([37]) До перевода съ татарскаго письма Туркменъ къ астраханскому оберъ-коменданту Чирикову (см. прилож. *№* X, пунктъ 10) не было извѣстно о бѣгствѣ Ходжи Нефеса и предполагалось, что онъ раздѣлилъ участь Русскихъ, т. е. плѣнъ и рабство въ Хивѣ, а потомъ бѣжалъ оттуда.

([38]) Южнѣе Красноводскаго залива, близъ Астрабадской бухты, персидскій городъ.

([39]) Черкасскій, въ письмѣ къ Зотову, касательно отправленія подпоручика Давыдова съ находившимися при немъ, выражается такъ: «куда посланы они отъ правленій».

([40]) Въ кр. св. Петра оставлено 11 пушекъ; изъ нихъ: 3 мѣдныхъ, 1 большая и 2 малыхъ, и 8 чугунныхъ.

([41]) Трудно угадать причины, побудившія князя Бековича къ устройству Александровскаго укрѣпленія. Надо думать, что какія либо затрудненія въ плаваніи принудили его высадить тамъ часть отряда съ тяжестями, или же, быть можетъ, онъ, въ это время, уже рѣшился отъ Красноводскаго залива возвратиться сухимъ путемъ въ Астрахань, и потому между «Красными Водами» и кр. св. Петра учредилъ промежуточный пунктъ, который не излишнимъ должно считать и для морскаго сообщенія Тюпъ-Карагана съ Красноводскимъ заливомъ, по непогодному Каспійскому морю.

Аму (42). Сюда же прибылъ и Кожинъ, не исполнивъ даннаго ему порученія и объясняя, въ свое оправданіе, что ханъ астрабадскій отказалъ въ пропускѣ подпоручика Давыдова чрезъ персидскія владѣнія, по причинѣ происшедшаго, будто бы, въ Персіи бунта.

Не довольствуясь такимъ результатомъ поѣздки Кожина въ Астрабадъ, Черкасскій отправилъ туда князя Симонова (онъ же и Замановъ). Было ли при этомъ поручено князю Симонову отвезти снова Давыдова, неизвѣстно; но, возвратясь изъ Астрабада (43), Симоновъ донесъ Черкасскому, что астрабадскій ханъ, по прибытіи Кожина въ ихъ гавань (астрабадскую), выслалъ своихъ приставовъ, для принятія русскихъ людей и лошадей, для проѣзда ихъ въ Астрабадъ; но Кожинъ ни самъ не поѣхалъ, ни назначенныхъ къ посольству не отпустилъ къ хану и, сдѣлавъ нападеніе на пасшіяся близъ берега стада буйволовъ, отплылъ обратно въ море (44).

Поручивъ окончаніе и защиту Красноводскаго укрѣпленія полковнику фонъ-деръ-Видену, съ полками Астраханскимъ, кромѣ трехъ ротъ, оставленныхъ прежде (въ Александровскомъ укрѣпленіи), и Азовскимъ (Крутоярскій полкъ), съ остальною частію артиллеристовъ, морской прислуги и судовъ, князь Черкасскій отправился въ Астрахань сухимъ путемъ, ибо проѣхать туда моремъ, за льдами, было слишкомъ опасно.

16 декабря отправленъ былъ, съ передовымъ отрядомъ, Кожинъ, а вслѣдъ за нимъ и самъ Черкасскій оставилъ Красноводское укрѣпленіе (45). Соединясь на пути съ Кожинымъ (въ-

---

(42) По показанію Кожина, и эта крѣпость была построена на весьма нездоровомъ, отъ испареній стоячей воды залива, мѣстѣ; къ тому же, при ней не имѣлось никакихъ удобствъ: ни травы, ни лѣса, ни прѣсной воды.

(43) Князь Симоновъ возвратился, когда Черкасскій былъ уже въ Астрахани.

(44) Если принять въ соображеніе постоянно замѣтное недоброжелательство Кожина къ Черкасскому, то подобныя его дѣйствія въ Астрабадѣ дѣлаются совершенно ясными и показаніе Симонова весьма достовѣрнымъ.

(45) Должно полагать, что князь Черкасскій, возвращаясь сухимъ путемъ въ Астрахань, взялъ съ собою изъ Красноводской крѣпости если не всѣхъ, то часть спѣшенныхъ драгунъ; ибо, по показанію Кожина, въ послѣдовавшемъ затѣмъ изъ Астрахани сухопутномъ походѣ на Хиву участвовали: 600 драгунъ и двѣ роты пѣхоты, посаженныя на лошадей, пѣхота же могла быть взята или изъ Астрахани, или же на возвратномъ пути, въ кр. св. Петра, гдѣ Черкасскій засталъ много больныхъ и до 120 человѣкъ умершихъ, а вѣроятнѣе всего перевезены раннею весною въ Астрахань, моремъ. Ходжа Нефесъ показываетъ, что изъ Красноводска съ Черкасскимъ выступило всего 100 служилыхъ людей и до 60 чел. Туркменцевъ.

роятно, въ укрѣпленіи Александровскомъ), 18 января 1717 года достигли они крѣпости св. Петра и отсюда на верблюдахъ, которыхъ «брали въ подводы у подвластныхъ Аюкѣ-хану Туркменцевъ», слѣдовали вокругъ Каспійскаго моря до Астрахани, куда и прибыли 20 февраля.

Изъ Астрахани Черкасскій донесъ Сенату ([46]), что пѣхотные полки находятся въ ново-построенныхъ крѣпостяхъ, и испрашивалъ указа относительно снабженія ихъ на 1717 годъ жалованьемъ и провіантомъ, а самъ занялся приготовленіями къ сухопутному походу на Хиву, чрезъ Гурьевъ-городокъ.

Желая расположить въ свою пользу хивинскихъ сановниковъ и самого хана, а также, чтобы имѣть вѣрныя вѣсти изъ Хивы, князь Черкасскій отправилъ туда нѣсколько гонцовъ съ подарками и съ извѣстіемъ, что онъ идетъ къ хану посломъ.

Изъ всѣхъ этихъ гонцовъ имѣются извѣстія только отъ двухъ дворянахъ: Ивана Воронина и Алексѣя, по прозванію Святаго ([47]).

Они доносили, что подарки, какіе у нихъ были, приняты, но что имъ въ Хивѣ очень дурно: «отвѣта на посланія къ хану никакого не даютъ, содержатся они подъ стражею, скудно, а объ обратномъ пути и помина нѣтъ; что въ Хивѣ извѣстно уже какъ о построеніи Русскими крѣпостей на восточномъ берегу Каспійскаго моря, такъ и о сборѣ конницы въ Астрахани, и что князь Бековичъ идетъ не посольствомъ, а войною; что они не разъ спрашиваемы были: «зачѣмъ русскіе люди на ихъ землѣ

([46]) Въ донесеніи Сенату, Черкасскій говоритъ, что «пѣхотные полки находятся въ указномъ мѣстѣ».

([47]) Соображая ихъ донесенія, должно полагать, что Иванъ Воронинъ былъ отправленъ съ письмомъ и подарками хану еще во время приготовленій кн. Черкасскаго къ отплытію на восточный берегъ Каспійскаго моря (куда отправился Черкасскій, какъ сказано выше, 20 сентября 1716 г.); ибо Воронинъ прибылъ въ Хиву до зимы. Алексѣй же Святой, отправленный съ подарками къ колуньею (визирю, начальнику войска), по дорогѣ въ Хиву встрѣтилъ глубокіе снѣга, лишился на половинѣ пути своего верблюда и долженъ былъ идти далѣе пѣшкомъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что онъ отправленъ былъ въ Хиву зимою 1716 года, т. е. уже съ восточнаго берега моря.

На донесеніяхъ ихъ отъ марта и іюля мѣсяцевъ выставленъ 1176 годъ. Описка въ годѣ очевидная, вмѣсто 1717 года; ибо въ донесеніяхъ этихъ говорится: а) о возведеніи укрѣпленій на Тюпъ-Караганѣ и «Красныхъ Водахъ», б) о сборѣ конницы въ Астрахани для сухопутнаго похода, что все совершилось только въ концѣ 1716 года, и в) о прибытіи въ Хиву посла Аюки-хана, Ачинсена Кашки, который возвратился изъ Хивы въ маѣ 1717 г., предупредивъ Хивинцевъ о приготовленіяхъ Русскихъ, слѣдовательно былъ въ Хивѣ тоже въ концѣ 1716 года.

хотятъ строиться?» а также негодуютъ и на Туркменцевъ за то, что даютъ Русскимъ вожатыхъ».

И съ другихъ сторонъ доходили извѣстія, что Хивинцы недоброжелательно смотрятъ на предпріятія князя Бековича и что Кайсакамъ, Узбекамъ и Каракалпакамъ сдѣлано отъ старшихъ ихъ воззваніе, дабы встрѣтить русское войско въ степи большими массами.

Такъ какъ въ концѣ 1716 года находился въ Хивѣ Ачинсенъ Кашка посломъ калмыцкаго хана Аюки, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ-то и предупредилъ Хивинцевъ о всѣхъ приготовленіяхъ Русскихъ, ибо ханъ Аюка возненавидѣлъ тогда князя Бековича за отказъ въ содѣйствіи Калмыкамъ войсками, собранными въ Астрахани противъ кубанскаго хана (48). Вѣроломство хана Аюки впослѣдствіи подтвердилось.

Несмотря на то, князь Бековичъ рѣшился твердо идти къ указанной ему Петромъ цѣли.

Возвратившись, какъ сказано выше, 20 февраля 1717 года въ Астрахань, князь Черкасскій занялся приготовленіями къ весеннему походу, къ четвертому и послѣднему своему предпріятію. Такъ онъ потребовалъ для похода съ собою юртовскихъ Татаръ (Калмыковъ), пригласилъ нагайскихъ Татаръ, нѣсколькихъ проживавшихъ въ Астрахани Армянъ, Хивинцевъ и Бухарцевъ, а также и изъ русскаго купечества, для составленія торговаго каравана.

Въ это же время, прибыли въ Астрахань братья Черкасскаго: Сѣюнчь (Сіюнчъ) и Акъ-Мурза, «мурзы черкесскіе», съ нѣсколькими изъ своихъ узденей; всѣ они тоже участвовали въ походѣ.

Составъ отряда сухопутной экспедиціи.

Отрядъ этотъ составляли:

Пѣхоты: двѣ роты солдатъ, посаженныхъ на лошадей, 300 чел. (49).

---

(48) Вѣроятно, князь Бековичъ не хотѣлъ воевать съ кубанскими Татарами (Нагайцы) и потому, что они были ближайшими сосѣдями его отечества Кабарды, съ которой они жили въ добромъ согласіи, чему доказательствомъ служитъ участіе въ хивинскомъ походѣ до 500 чел. Нагайцевъ.

(49) Пѣхотные полки при Петрѣ Великомъ были разной числительности; но, взявъ въ разсчетъ, что, по сенатскому рѣшенію (см. прилож. № IV), князю Бековичу назначены были пѣхотные полки силою въ 1,200 человѣкъ и зная, что тог-

Кавалеріи: драгунскій полкъ 600 чел. (50).

Иррегулярныхъ войскъ: яицкихъ казаковъ 1,400 чел. (51); гребенскихъ казаковъ 500 чел.; черкесскихъ узденей, съ братьями Бековича, 22 чел. (52); юртовскихъ Татаръ (Калмыки) 32 чел. (53); нагайскихъ Татаръ около 500 чел.

Артиллерійскихъ и морскихъ чиновъ — неизвѣстно, но полагать надо около 100 чел. (54).

Всего 3,454 чел., при 6 орудіяхъ.

Купцовъ въ караванъ: Армянъ 12 чел.; Бухарцевъ 5 чел.; Хивинцевъ 5 чел.; Русскихъ 13 чел. (55). При караванѣ людей 171 чел. Всего 200 чел. (56).

При отрядѣ состояли: князь Симоновъ (Замановъ) съ нѣсколькими астраханскими дворянами, для особыхъ порученій; проводниками — прежній Туркменецъ Ходжа Нефесъ и присланный калмыцкимъ ханомъ Аюкою Калмыкъ Бакша, а также подъячіе, толмачи и морскіе офицеры, которыхъ слѣдовало послать въ Еркеть (Яркендъ) по Сыръ-Дарьѣ и въ Бухару и Индію по Аму-Дарьѣ. Всѣхъ ихъ можно положить, съ прислугою, около 20 чел.

Слѣдовательно, всего въ отрядѣ этомъ должно полагать свыше 4,000 человѣкъ, и изъ нихъ никакъ не менѣе *трехъ тысячъ войска*.

Снаряженіе отряда. Войску отпущено трехъ-мѣсячное продовольствіе, артиллерійскіе и другіе припасы; остальные же

дашніе полки дѣлились на 2 баталіона, по 4 роты въ каждомъ, на роту придется по 150 чел. А какъ роты могли быть, по разнымъ случаямъ, некомплектныя, то мы и полагаемъ, что показанное нами число (300 человѣкъ) всѣхъ чиновъ довольно приблизительно.

(50) По показанію Кожина. Прежде показано нами драгунъ 617 чел. всѣхъ чиновъ; слѣдовательно, здѣсь недостающіе 17 человѣкъ должно считать убылью.

(51) Изъ 1,500 чел. яицкихъ казаковъ, 100 чел. были изъ Гурьева отправлены для усиленія гарнизона въ кр. св. Петра, почему здѣсь ихъ мы и не считаемъ.

(52) По показанію яицкаго казака Урзаметя Ахметева.

(53) По показанію того же Ахметева, ихъ явилось 32 (вмѣсто потребованныхъ 50).

(54) По показанію Татарина Алтыка Уссеинова, пушекъ было 6, а по показанію Ходжи Нефеса—7.

(55) По вѣдомости астраханскаго оберъ-коменданта Чирикова, значится, что взято купцовъ 13, которыхъ должно считать Русскими; ибо извѣстно, что кромѣ ихъ было иноземныхъ 22 купца.

(56) Извѣстно, что въ караванѣ было всего до 200 чел., почему, исключивъ изъ нихъ 39 купцовъ, остальныхъ затѣмъ показано нами въ прислугѣ при караванѣ 161 человѣкъ.

запаслись всѣмъ необходимымъ, вѣроятно, на свой счетъ. Подъ 2 роты пѣхоты куплено до 300 лошадей (297), а подъ тяжести—200 верблюдовъ. Казаки имѣли своихъ вьючныхъ лошадей; драгунамъ куплено по 1 лошади на 2 человѣкъ; да кромѣ того, по распоряженію князя Черкасскаго, подъ вьючныхъ лошадей взято у астраханскихъ, красноярскихъ и другихъ жителей до 300 арбъ и немалое число телѣгъ.

На святой недѣлѣ (57) 1717 года, князь Черкасскій, съ драгунскимъ секундъ-маіоромъ Пальчиковымъ и астраханскимъ дворяниномъ Керейтовымъ, отправилъ яицкихъ и гребенскихъ казаковъ, за исключеніемъ немногихъ спѣшенныхъ, которыхъ оставилъ при себѣ, къ Гурьеву-городку, который назначенъ былъ сборнымъ мѣстомъ для всего отряда. Съ казаками отправлены: весь обозъ отряда съ лошадьми спѣшенныхъ драгунъ и казаковъ и купленными подъ пѣхоту, съ верблюдами и торговымъ караваномъ. Къ Гурьеву же получили приказаніе отправиться юртовскіе и нагайскіе Татары, начальство надъ которыми Черкасскій ввѣрилъ мурзѣ Булату Тимбаеву.

Вскорѣ потомъ и самъ Черкасскій, съ братьями, съ спѣшенными драгунами и оставшимися при немъ казаками, съ двумя ротами пѣхоты, морскими офицерами, подъячими и проч.,—однимъ словомъ, со всѣмъ остальнымъ отрядомъ, отплылъ изъ Астрахани тоже къ Гурьеву, на судахъ, прибывшихъ, съ открытіемъ навигаціи, изъ Тюпъ-Карагана и «Красныхъ Водъ». (58)

Флота поручику Кожину слѣдовало, по указу, также отправиться въ походъ; но онъ отказался, остался въ Астрахани и подалъ на князя Бековича-Черкасскаго доносъ въ томъ, что намѣреніе послѣдняго есть «измѣннически предать русское войско въ руки варваровъ».

Еще въ Москвѣ, на пути въ Астрахань, Кожинъ, вѣроятно, тяготясь подчиненностію князю Черкасскому (59), требовалъ у

---

(57) Пасха въ томъ году была 21 апрѣля; слѣдовательно, экспедиція изъ Астрахани отправилась въ концѣ апрѣля.

(58) На этихъ ли судахъ прибыли двѣ роты въ Астрахань, были ль онѣ взяты Черкасскимъ съ собою во время сухопутнаго его возвращенія въ Астрахань (съ «Красныхъ Водъ» взято 100 чел. солдатъ) или же собраны въ Астрахани вновь, положительно неизвѣстно.

(59) Началомъ къ неудовольствію Кожина на князя Черкасскаго могло послужить и то обстоятельство, что, предъ назначеніемъ состоять при экспедиціи Черкасскаго въ Хиву, Кожинъ получилъ (какъ сказано выше) Высочайшее повелѣніе

него данную на его (Кожина) имя Высочайшую инструкцію, которую должно было выдать только при отправленіи его въ Индію изъ Хивы. Впослѣдствіи личныя непріятности между ними дошли до того, что Кожинъ неоднократно порицалъ распоряженія Черкасскаго (какъ, напримѣръ, при избраніи мѣстъ для укрѣпленій на восточномъ берегу Каспійскаго моря), и вовсе не старался исполнять возлагаемыхъ на него порученій (что доказываютъ его дѣйствія у Астрабада), а наконецъ самовольно остался въ Астрахани.

За такое поведеніе Кожинъ былъ вытребованъ въ С.-Петербургъ, преданъ военному суду и допрашиванъ Сенатомъ. Однакожь, вѣсть о судьбѣ, постигшей впослѣдствіи отрядъ князя Черкасскаго, кажется, освободила его отъ заслуженнаго наказанія (60).

Казаки съ караваномъ до Гурьева шли 12 дней, а недѣлю спустя присоединился къ нимъ и князь Бековичъ, прибывшій изъ Астрахани на судахъ съ артиллеріею, главными тяжестями и остальнымъ отрядомъ.

Соединясь подъ Гурьевымъ, весь отправлявшійся въ Хиву отрядъ расположился лагеремъ и простоялъ около мѣсяца, приготовляясь къ дальнѣйшему, трудному походу степью.

Изъ лагеря подъ Гурьевымъ князь Черкасскій отправилъ 100 чел. яицкихъ казаковъ для усиленія тюпъ-караганскаго гарнизона, который, равно какъ и красноводскій, значительно уменьшился отъ болѣзней (61). Вѣроятно, развившаяся въ Тюпъ-Караганскомъ и Красноводскомъ укрѣпленіяхъ болѣзненность и невозможность собрать въ степяхъ восточнаго берега Каспійскаго моря необходимое число лошадей и верблюдовъ заставили князя

отправиться начальникомъ морской экспедиціи для подробнаго описанія Каспійскаго моря, при чемъ поручалось ему повѣрить и карты, присланныя Черкасскимъ. Будучи же подчиненъ Черкасскому, онъ лишился начальствованія надъ отдѣльною экспедиціею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможности заслужить особое расположеніе Петра.

(60) Въ 1718 году видимъ Кожина снова на Каспійскомъ морѣ, при флота поручикѣ князѣ Урусовѣ. (См. «Полное Собраніе Законовъ», томъ V, марта 2 дня 1718 г., именной указъ поручику князю Урусову.)

(61) По имѣющимся свѣдѣніямъ, въ тюпъ-караганскомъ гарнизонѣ, къ концу мая 1717 г., умерло болѣе 500 чел., а въ Красноводскомъ укрѣпленіи смертность была еще значительнѣе. Причины болѣзней и смертности, какъ должно полагать, заключались въ тяжелыхъ крѣпостныхъ работахъ, при новомъ климатѣ, въ особенности же въ недостаткѣ здоровой воды, для добыванія которой копали глубокіе колодцы; но и изъ нихъ можно было пить воду лишь нѣсколько дней: она скоро портилась.

Черкасскаго дѣйствовать противъ Хивы съ однимъ отрядомъ, собраннымъ у Гурьева, и отказаться отъ направленія по старому руслу Аму другаго отряда отъ Красноводскаго залива, какъ то было первоначально предположено. (См. прилож. № 1.)

Отдѣливъ сотню казаковъ въ Тюпъ-Караганскую крѣпость, князь Черкасскій надѣялся увеличить отрядъ свой Калмыками хана Аюки и Туркменцами подвластнаго Аюкѣ султана Даржи, къ которымъ, съ этою цѣлью, и отправилъ гонцомъ астраханскаго дворянина Мартьянова. Но какъ ханъ Аюка, такъ (вѣроятно, по его настоянію) и султанъ Даржа отказали въ людяхъ, отзываясь невозможностію идти въ походъ, при наступавшихъ жарахъ. Отъ нихъ прибыли только Туркменецъ Манглай Кашка и 10 другихъ Калмыковъ и Туркменцевъ, отправленныхъ, въ видѣ особаго отъ Аюки посольства, къ хивинскому хану (62).

Во время пребыванія отряда въ лагерѣ у Гурьева-городка, на пастбіеся казацкіе табуны напали Каракалпаки и, угнавъ табунъ, взяли въ плѣнъ и сторожившихъ оный 60 казаковъ. Князь Черкасскій немедленно отправился въ погоню за хищниками, настигъ ихъ въ степи, отбилъ захваченные табуны и плѣнныхъ и самъ овладѣлъ нѣсколькими (до 6 человѣкъ) изъ Каракалпаковъ.

Между тѣмъ, всѣ приготовленія къ походу были окончены, и на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи, т. е. въ началѣ іюня, слѣдовательно, въ самое трудное для степнаго похода время, отрядъ выступилъ изъ Гурьева въ походъ.

Оставивъ влѣвѣ (63) большую караванную дорогу, по которой издавна ходили караваны въ Хиву, отрядъ направился, «для ради конскихъ кормовъ и воды», малою, новою дорогою, которая шла поблизости морскаго берега.

Къ вечеру перваго дня пришли «къ рѣчкѣ Акъ-Мурза» гдѣ и ночевали. Потомъ чрезъ семь дней (64), каждодневно встрѣчая

---

(62) Это посольство, какъ увидимъ далѣе, тайно ушло въ степи и, окольными дорогами прибывъ къ Хивѣ, успѣло внушить хивинскому хану мысль о сопротивленіи Русскимъ.

(63) Разстояніе старой дороги отъ новой, по показаніямъ Ходжи Нефеса, два дня хода.

(64) По показаніямъ Ходжи Нефеса, отъ Гурьева до р. Акъ-Мурзы шли день; отсюда 7 дней до р. Эмбы, гдѣ простояли два дня (вѣроятно, отдыхая и устраивая переправу на плотахъ для тяжестей). А по показанію яицкаго казака Урзаметя Ахметева, отъ Гурьева до р. Эмбы отрядъ шелъ 10 дней; но, вѣроятно, онъ счелъ тутъ и 2 дня стоянки на р. Эмбѣ: тогда, дѣйствительно, выйдетъ 10 дней.

подобныя же рѣчки, пришли къ р. Эмбѣ, чрезъ которую переправлялись частію въ бродъ, а частію на плотахъ, два дня. Такимъ образомъ, разстояніе отъ Гурьева до Эмбы, около 300 верстъ, отрядъ прошелъ безъ дневокъ въ 8 дней, т. е. дѣлая по 37½ верстъ въ день — переходы усиленные. Надо полагать, что князь Черкасскій спѣшилъ такъ боясь, чтобъ отъ лѣтнихъ жаровъ не выгорѣлъ въ степи весь подножный кормъ, а также, можетъ быть, и для внезапности нападенія на Хиву, чтобъ не дать времени хану собрать значительныхъ силъ.

Отъ р. Эмбы князь Бековичъ, съ отрядомъ, чрезъ два дня прибылъ урочищу Богачатъ, куда вышла и большая хивинская дорога. Отъ Богачата, большою хивинскою дорогою, отрядъ слѣдовалъ на колодцы: Дучканъ, Мансулмасъ и Чилданъ. Здѣсь бывшій до этого времени караванъ-башемъ (вожакомъ или проводникомъ) Кашка и прочіе десять Калмыковъ и Туркменъ, составлявшіе посольство отъ хана Аюки, тайно, въ ночное время, оставили русскій отрядъ, и часть изъ нихъ возвратилась въ свои улусы, другая же, обойдя стороною лагерь Русскихъ, поспѣшила напередъ въ Хиву.

Мѣсто Манглая Кашки заступилъ при отрядѣ извѣстный Ходжа Нефесъ, съ которымъ и продолжали путь, останавливаясь у колодцевъ: Санъ, Косешегозе, Бѣлявли, Дурали и Ялгысу. Отсюда (за 8 дней хода до Хивы) Черкасскій отправилъ впередъ астраханскаго дворянина Керейтова съ 100 казаками въ Хиву, чтобъ увѣрить хана въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ.

Оставивъ потомъ при колодцѣ Ялгысу до 1,000 казаковъ, для поправленія ихъ коней, обезсилѣвшихъ отъ продолжительнаго степнаго пути и безкормицы, со многими отсталыми, отрядъ направился на колодезь Шелишидулъ и рѣчку Каракулиметъ къ рѣчкѣ Аккуль (65).

Сюда прибыли отъ хивинскаго хана, въ отвѣтъ на посольство дворянина Керейтова, два узбека и съ ними казакъ отъ Керейтова. Чтобъ не обнаружить предъ ханскими посланцами слабости своего отряда, значительно уменьшившагося оставленіемъ при Ялгысу отсталыхъ, узбекамъ было объявлено, что князь Бековичъ находится еще позади, въ другой части отряда,

---

(65) По показанію Ходжи Нефеса, объ эти рѣчки «вышли изъ Аму-Дарьи». Должно думать поэтому, что объ упомянутыя рѣчки — или рукава Аму, или же каналы, проведенные отъ нея для орошенія полей.

и, такимъ образомъ, узбеки, для своего представленія, принуждены были дожидаться два дня, пока присоединились отсталые къ отряду.

Тогдашній хивинскій ханъ Ширгазы прислалъ съ этими узбеками въ подарокъ къ Черкасскому: коня, кафтанъ и разныхъ овощей; а князь Бековичъ, съ своей стороны, повторилъ узбекамъ, что идетъ въ Хиву не войною, а посломъ отъ своего государя, и объявилъ, что о цѣли своего посольства объяснитъ подробно самому хану, при личномъ свиданіи. Послѣ чего узбеки съ казакомъ Керейтова отправились обратно въ Хиву; князь же Черкасскій, продолжая путь, приблизился наконецъ къ урочищу Карагачъ (66), близъ коего, по предначертанному Петромъ I плану экспедиціи, должно было построить крѣпость.

Такимъ образомъ, отрядъ князя Бековича прошелъ: отъ Гурьева до р. Эмбы 300 верстъ въ десять дней; оттуда до горъ Иркетскихъ (плоская возвышенность Усть-Урта) пройдено около 150 верстъ въ 5 дней. Гористымъ мѣстомъ прошли около 800 верстъ въ 49 дней (7 недѣль). Спустившись съ горъ въ два усиленные перехода (пройдено до 100 верстъ въ 2 дня), вышли къ рукавамъ или разливамъ р. Аму, верстахъ въ 150 отъ Хивы, и здѣсь, въ Успенье, т. е. 15 августа 1717 г., расположились лагеремъ. Слѣдовательно, отрядъ прошелъ степью до 1,350 верстъ въ теченіе 65 дней, т. е. почти въ два мѣсяца, по безкормной и безводной степи и въ самое жаркое время года. Почти на всемъ этомъ пространствѣ, воду, по большей части дурную, добывали, вырывая на всякомъ привалѣ и ночлегѣ колодцы отъ 2 до 4 саженъ глубиною (67). Изъ этого одного можно заключить, что должны были терпѣть войска, при жарѣ, бывающей въ тѣхъ мѣстахъ лѣтомъ свыше 40° по Реомюру.

Между тѣмъ, въ Хивѣ произошла въ намѣреніяхъ хана важная перемѣна, которая, по показаніямъ возвратившихся впослѣдствіи изъ этой экспедиціи, главнымъ образомъ связана была съ прибытіемъ въ Хиву тайно оставившихъ нашъ отрядъ въ степи Калмыковъ и Туркменъ хана Аюки и султана Даржи. Вслѣдъ

---

(66) Урочище Карагачъ также названо рѣчкою, «выходящею изъ Аму-Дарьи», т. е., вѣроятно, рукавъ или же канава, и, по показанію Ходжи Нефеса, въ 4 дняхъ пути отъ Хивы, а по показанію яицкаго казака Урзаметя Ахметева верстахъ въ 150 отъ Хивы.

(67) Такъ на ночлегахъ и привалахъ вырыли колодцевъ: у Дурали — 35, у Ялгысу — 30, и у Чилдана — 10, и проч.

за ихъ прибытіемъ ([68]) въ Хиву, ханъ Ширгазы приказалъ заключить Керейтова съ находившимися при немъ казаками по тюрьмамъ, а самъ спѣшилъ собрать многочисленное войско изъ подвластныхъ ему Хивинцевъ, Туркменъ, Киргизъ-Кайсаковъ, Каракалпаковъ и другихъ народовъ, и рѣшился на сопротивленіе Русскимъ, распустивъ слухъ, что идетъ на нихъ съ 100,000-мъ войскомъ ([69]), котораго на самомъ дѣлѣ было не болѣе 24,000.

Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ слуховъ и бѣжалъ отъ Русскихъ, съ нѣсколькими изъ своихъ, извѣстный Туркменецъ Ходжа Нефесъ, главный зачинщикъ хивинскаго похода ([70]). Князь Бековичъ, узнавъ о приготовленіяхъ хана къ войнѣ, спѣшилъ привести отрядъ свой въ оборонительное положеніе, для чего, поставивъ отрядъ тыломъ къ водѣ, съ прочихъ трехъ сторонъ оградилъ оный телѣгами и арбами и ожидалъ въ такомъ положеніи нападенія непріятелей.

Дѣйствительно, на другой день прибытія Русскихъ къ Карагачу (т. е. 17 августа) показалась въ виду отряда хивинская конница ([71]) и, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій, понеслась въ атаку. Бой продолжался до ночи, при наступленіи которой Хивинцы отступили версты на двѣ и расположились таборомъ, охвативъ имъ отрядъ Русскихъ, въ видѣ полумѣсяца.

Предвидя новое нападеніе, князь Бековичъ-Черкасскій окопалъ лагерь свой рвомъ и валомъ, вооруживъ послѣдній шестью имѣвшимися при отрядѣ пушками. На слѣдующій день бой возобновился и продолжался двое ([72]) сутокъ сряду, при чемъ было убито изъ пищалей 10 чел. Русскихъ, а Хивинцы, конечно, пострадали гораздо болѣе отъ пушечнаго и ружейнаго огня нашего отряда.

Наконецъ Хивинцы отошли опять къ своимъ таборамъ и,

([68]) По показанію яицкаго казака Урзаметя Ахметева.

([69]) Хотя Хивинцы и распространяли тогда слухъ, что собрано отъ 60 до 100,000 войска, однакожь изъ показаній участвовавшихъ въ экспедиціи слѣдуетъ заключить, что хивинское войско простиралось всего до 24,000.

([70]) См. прилож. *№* X, пунктъ 10. Доказательствомъ тому, что Ходжи Нефеса не было въ русскомъ лагерѣ, служитъ и то обстоятельство, что въ послѣдовавшихъ переговорахъ о мирѣ онъ не участвовалъ, а былъ назначенъ для того кн. Бековичемъ юртовскій Татаринъ Алтыкъ Уссеиновъ.

([71]) Хивинцы были вооружены сайдаками (луками), пищалями, копьями и саблями; но артиллеріи у нихъ не было.

([72]) По показанію подъячаго Волковопнова, бой продолжался 3 дня, а по другимъ показаніямъ 5 дней, что менѣе вѣроятно. (См. прилож. *№* X.)

видя свои потери и безуспѣшность нападеній, приступили къ переговорамъ.

Ханъ Ширгазы прислалъ отъ себя Хивинца Ходжу Ишима, которому, желая оправдать свои враждебныя дѣйствія противъ русскаго отряда, поручилъ объяснить, что нападеніе со стороны Хивинцевъ сдѣлано безъ его повелѣнія, до его (Ширгазы) прибытія къ войску, и что если князь Черкасскій дѣйствительно идетъ посломъ въ Хиву, то не долженъ опасаться враждебныхъ дѣйствій со стороны Хивинцевъ. Хивинскій посланецъ просилъ при этомъ отправить съ нимъ кого либо изъ русскаго отряда, для отвѣта хану. Князь Черкасскій назначилъ съ нимъ юртовскаго Татарина Алтыка Уссеинова, который и передалъ хану, что князь Черкасскій имѣетъ къ нему отъ своего государя вѣрющую грамату и словесныя порученія. Съ Алтыкомъ Уссеиновымъ явился снова Ходжа Ишимъ и объявилъ, что ханъ будетъ въ тотъ же день держать совѣтъ и завтра дастъ отвѣтъ Черкасскому, а до того времени военныя дѣйствія прекращаются.

На этомъ совѣтѣ, по внушенію своего казначея Досимъ-Бая, Ширгазы предложилъ коварный планъ, приведенный потомъ въ исполненіе, для истребленія всего русскаго отряда; а чтобъ удобнѣе обмануть князя Бековича, положено было заключить съ нимъ миръ. На военномъ совѣтѣ, собранномъ княземъ Бековичемъ, произошло разногласіе: маіоръ Франкенбергъ и другіе офицеры рѣшительно были противъ мира, а князь Симановъ подалъ голосъ въ пользу мира. Наконецъ положено было не отвергать мирныхъ предложеній, если они будутъ выгодны, къ чему могло побудить нашихъ военноначальниковъ чрезмѣрное утомленіе отряда, а также невозможность пасти лошадей и верблюдовъ, находившихся тоже въ окопахъ.

Во время этихъ совѣщаній, утромъ 20 августа, Хивинцы возобновили нападенія; но когда Черкасскій отправилъ къ хану Алтыка Уссеинова потребовать о томъ объясненія, то ханъ отозвалъ свои войска въ таборы и чрезъ Ишима Ходжу извѣстилъ, что нападеніе произведено безъ его вѣдома Туркменцами и Уральцами (прибрежными жителями Аральскаго моря). Тогда мирныя сношенія возобновились, и князь Черкасскій отправилъ къ хану юртовскихъ Татаръ мурзу Смайла и Худайгули, поручивъ имъ объяснить хану, чтобъ онъ, въ доказательство искренняго

расположенія къ миру, прислалъ къ нему для переговоровъ приближенныхъ своихъ Кулунбея и Ходжу Назара. Ханъ обѣщалъ это исполнить и, чтобъ отклонить всякое подозрѣніе въ вѣроломствѣ и доказать Бековичу, что послѣднее нападеніе на Русскихъ Хивинцы произвели самовольно, приказалъ виновныхъ будто бы въ томъ нападеніи двухъ Хивинцевъ наказать въ присутствіи посланныхъ Бековича. Дѣйствительно, этихъ двухъ Хивинцевъ водили передъ всѣмъ войскомъ на тонкой веревкѣ, продѣтой одному въ ноздри, а другому въ ухо.

Вскорѣ затѣмъ явились въ русскій лагерь Кулунбей и Назаръ Ходжа, съ которыми и заключенъ былъ предварительный мирный договоръ, утвержденный съ обѣихъ сторонъ клятвою, при чемъ приближенные хана цѣловали коранъ, а князь Черкасскій крестъ.

На другой день послѣ заключенія этого договора, князь Бековичъ-Черкасскій получилъ, чрезъ Ходжу Ишима, подъ видомъ почетнаго пріема посланнику великаго государя и для обмѣна подарковъ, приглашеніе хана Ширгазы, и отправился къ нему въ лагерь съ княземъ Симоновымъ (Замановымъ), съ избранными дворянами (въ томъ числѣ были Кирьякъ Экономовъ и Званскій), съ бригадъ-коммиссаромъ маіоромъ Волковымъ и другими офицерами и съ братьями своими, въ сопровожденіи 700 чел. казаковъ и драгунъ. Ханское войско, бывшее при встрѣчѣ русскаго посла на коняхъ, раздѣлилось и пропустило небольшой этотъ отрядъ Русскихъ чрезъ свою средину. Въ хивинскомъ лагерѣ для князя Бековича и князя Симонова отвели, близъ ставки хана, особые шатры, около которыхъ и расположился русскій отрядъ. Представленіе же хану отложено до другаго дня.

На слѣдующій день ханъ Ширгазы принялъ князя Черкасскаго и Симонова въ своемъ шатрѣ, при чемъ Черкасскій вручилъ ему свою вѣрющую грамату и царскіе подарки, состоявшіе изъ суконъ, сахара, соболей «да 9 блюдъ, 9 тарелей и 9 ложекъ серебряныхъ» и проч. ([73]). Ханъ увѣрялъ ихъ въ добромъ расположеніи своемъ къ Русскимъ, подтвердилъ, собственнымъ клятвеннымъ цѣлованіемъ корана, мирный договоръ, заключенный Колунбеемъ и Назаромъ Ходжею, и угощалъ ихъ

([73]) По показанію Алтыка Уссеинова.

обѣдомъ, въ продолженіе котораго играла, по приказанію Черкасскаго, русская военная музыка (74).

Послѣ этого свиданія (75) ханъ Ширгазы, со всѣмъ своимъ войскомъ, а среди онаго и Черкасскій, съ сопровождавшимъ его отрядомъ, отправились къ Хивѣ.

Передъ отправленіемъ въ Хиву, князь Бековичъ послалъ въ русскій лагерь дворянина Званскаго съ увѣдомленіемъ о дружескомъ пріемѣ хана и своемъ отѣздѣ съ нимъ въ Хиву, при чемъ далъ приказаніе драгунскому маіору фонъ-Франкенбергу и секундъ-маіору Пальчикову, назначеннымъ начальниками въ лагерѣ, идти за нимъ со всѣмъ остальнымъ отрядомъ.

Слѣдуя черезъ урочище «Старую Хиву» и «Аральскія Пашни», Ширгазы расположился лагеремъ на р. Порсунгулъ, въ двухъ дняхъ пути отъ Хивы (76).

Фонъ-Франкенбергъ и Пальчиковъ, съ своимъ отрядомъ и въ сопровожденіи 1,000 чел. узбековъ, прибыли, между тѣмъ, къ «Аральскимъ Пашнямъ» и, получивъ тамъ приказаніе Черкасскаго подойдти ближе, расположились верстахъ въ двухъ отъ хивинскихъ таборовъ.

На р. Порсунгулъ ханъ имѣлъ новое свиданіе съ княземъ Бековичемъ и княземъ Симоновымъ, а на третій день послѣ прибытія на эту рѣку увѣдомилъ князя Черкасскаго, чтобы онъ, по невозможности, будто бы, такому значительному отряду Русскихъ имѣть квартиры и продовольствіе въ Хивѣ, раздѣлилъ какъ находившійся при немъ отрядъ, такъ и остальной на нѣсколько частей, для отвода на квартиры въ ближайшіе къ Хивѣ города.

---

(74) По показанію Ходжи Нефеса, притворное дружелюбіе Ширгазы обнаружилось уже и за этимъ обѣдомъ, требованіемъ выдачи Ходжи Нефеса, который указалъ Русскимъ путь въ Хиву. Но если и было подобное требованіе, то его легко было устранить, такъ какъ Нефеса не было уже тогда въ лагерѣ, что объяснено выше.

(75) По показанію казака Урзаметя Ахметева и Алтыка Уссеинова, подарки кн. Черкасскаго были ханомъ на другой день возвращены, съ упрекомъ, что сукна доставлены «драныя», тогда какъ въ царской граматѣ значатся цѣльныя. Но Черкасскій, не желая обнаружить виновность въ этомъ кн. Симонова, объявилъ, что подарками царскими онъ будетъ дарить хана послѣ, а это его собственные подарки, и впослѣдствіи, на походѣ къ Хивѣ, дѣйствительно снова даримъ хана и его приближенныхъ; ханъ, съ своей стороны, далъ ему коня.

(76) До урочища Старой Хивы шли одинъ день, а оттуда до р. Порсунгулъ (или Порсучунгулъ) два дня.

Въ этомъ-то и состоялъ вѣроломный планъ хивинскаго хана, чтобъ раздѣлить и легко истребить потомъ русскій отрядъ по частямъ. Но князь Бековичъ-Черкасскій, не подозрѣвая злаго умысла, а можетъ быть желая обезоружить хана дружескимъ довѣріемъ, далъ приказъ фонъ-Франкенбергу и Пальчикову раздѣлить свой отрядъ на 5 частей и идти съ ханскими узбеками на квартиры, а потомъ, оставивъ при себѣ человѣкъ 200, большую часть находившагося при немъ отряда отпустилъ съ узбеками на квартиры же.

Фонъ-Франкенбергъ, менѣе полагаясь на дружелюбіе хана, пораженъ былъ такимъ предписаніемъ князя Черкасскаго. Узбекамъ, явившимся съ предложеніемъ раздѣлить отрядъ и идти съ ними на квартиры, онъ съ неудовольствіемъ объявилъ, что русскимъ отрядомъ командуетъ не ханъ, а князь Бековичъ; но получивъ затѣмъ отъ Черкасскаго еще два приказанія раздѣлить отрядъ и расположить по квартирамъ, фонъ-Франкенбергъ все еще недоумѣвалъ и не рѣшался этого сдѣлать безъ личнаго объясненія съ Черкасскимъ. Наконецъ, только по четвертому предписанію, въ которомъ заключалась угроза военнымъ судомъ, онъ предался на волю Божію и распустилъ войско, раздѣливъ свой отрядъ на пять отдѣльныхъ частей, которыя и были тотчасъ же разведены узбеками (77).

Только и ожидалъ этого раздѣленія русскихъ хивинскій ханъ: еще не успѣлъ князь Черкасскій слѣзть съ коня, отдавъ нужныя приказанія уходившему отъ него отряду, какъ Хивинцы бросились на оставленный имъ при себѣ небольшой конвой и частію изрубили, частію взяли оный въ плѣнъ и ограбили. Узбеки, между тѣмъ, схвативъ Экономова, князя Симонова и князя Черкасскаго, раздѣли ихъ донага и предъ самимъ ханомъ рубили саблями, а потомъ отсѣкли у нихъ головы. Такой же несчастной участи подверглись и остальныя части русскаго отряда, съ такимъ мужествомъ и лишеніями почти достигшаго

---

(77) По показанію Ходжи Нефеса (который, бѣжавъ отъ Русскихъ, могъ находиться, въ это время, въ Хивѣ, или же узналъ о томъ впослѣдствіи), «первыхъ 600 челов. повелъ узбекъ Азарысъ, другихъ 600 чел. узбекъ Аралъ, третьихъ 400 чел. узбекъ Ургенча, четвертыхъ 400 чел. узбекъ Хивы, пятыхъ 400 челов. Туркменецъ хивинскій Юмутъ».

Хивы (78), которую отъ нихъ спасло только вѣроломство Ширгазы и странное ослѣпленіе князя Бековича.

По совершеніи этого злодѣйства, ханъ съ торжествомъ возвратился въ свою столицу и былъ встрѣченъ радостными толпами Хивинцевъ у «Адарскихъ Воротъ», гдѣ, на особо устроенной висѣлицѣ, выставлены были, по приказанію хана, кровавые трофеи — набитыя сѣномъ головы князя Симонова и Экономова. Голова же самого князя Черкасскаго отправлена была, какъ драгоцѣнный подарокъ, къ хану бухарскому; но послѣдній, ужаснувшись вѣроломства Ширгазы, объявилъ, что не желаетъ быть соучастникомъ въ столь постыдномъ дѣлѣ, и отправилъ голову Бековича обратно, съ вопросомъ: «не людоѣдъ ли ханъ Ширгазы?»

И въ самой Хивѣ нашелся человѣкъ, не устрашившійся осудить звѣрскіе поступки хана: когда, спустя нѣсколько дней по возвращеніи Ширгазы въ Хиву, вѣроятно, въ особенное ознаменованіе торжества надъ Русскими, собрано было на хивинской площади до 40 плѣнныхъ для казни, то хивинскій айхунъ (высшее духовное лицо) напомнилъ хану, что русскій отрядъ изрубленъ и взятъ въ плѣнъ клятвопреступленіемъ, почему не слѣдуетъ увеличивать грѣха новыми и безполезными казнями, и выпросилъ осужденнымъ на казнь помилованіе и свободу (79).

Такимъ образомъ, немногіе изъ участвовавшихъ въ экспедиціи остались въ живыхъ, а еще меньшее число возвратилось въ отечество. Замѣчательно, однакожь, что братья Черкасскаго были отпущены на родину, вѣроятно, обѣщавъ за себя выкупъ.

Оставленные въ крѣпостяхъ Тюпъ-Караганской (св. Петра) и Красноводской гарнизоны получили печальную вѣсть о судьбѣ русскаго отряда не позже сентября мѣсяца 1717 г., а оберъ-комендантъ астраханскій Чириковъ и саратовскій комендантъ

---

(78) Припомнивъ, что отъ бывшаго съ Черкасскимъ при ханѣ отряда увели 500 чел., оставивъ при немъ до 240 чел., выйдетъ, что съ показанными выше, въ это время, весь отрядъ русскій съ людьми каравана состоялъ изъ 3,100 чел. Слѣдовательно, потерю въ степи людьми отъ изнуренія должно считать до 1,000 человѣкъ.

(79) Въ числѣ назначенныхъ къ казни были: юртовскіе Татары, Черкесы, два гребенскихъ казака и Турчанинъ-новокрещенецъ, которые, по показанію Алтыка Уссенова, и возвратились вмѣстѣ съ нимъ изъ Хивы.

Бахметевъ, снявъ показанія отъ немногихъ возвратившихся изъ хивинскаго похода, первые сообщили эту вѣсть Сенату и государю.

Петръ I и послѣ этого несчастія не отказался отъ своихъ видовъ на Среднюю Азію и далъ повелѣніе о пополненіи, находившихся на восточномъ берегу Каспійскаго моря, полковъ, желая удержать за собою, какъ опорные пункты будущихъ дѣйствій, основанныя тамъ княземъ Бековичемъ крѣпости.

Но это распоряженіе не было приведено въ исполненіе: комендантъ крѣпостей, видя чрезвычайное уменьшеніе гарнизоновъ; достигшихъ отъ смертности до $^1/_3$ части первоначальнаго состава, а также претерпѣвая отъ частыхъ нападеній Туркменцевъ и долгое время не получая никакихъ приказаній изъ Россіи, рѣшились возвратиться въ Астрахань и тѣмъ спасти отъ погибели остатки своихъ отрядовъ. Каждый изъ нихъ исполнилъ это какъ могъ; но и тутъ пришлось еще пострадать Русскимъ, а именно красноводскому гарнизону.

Полковникъ фонъ-деръ-Виденъ, оставивъ 3 октября 1717 г. Красноводское укрѣпленіе, отплылъ на бывшихъ при его отрядѣ 13 судахъ; буря разнесла и потопила большую часть его судовъ, при чемъ погибло до 400 чел. изъ его отряда, а остальные занесены были бурею къ устьямъ рѣкъ Куры и Янгуры, гдѣ и прозимовали, съ великимъ недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ, и только весною 1718 года возвратились въ Астрахань.

Такъ неожиданно кончилась столько обѣщавшая экспедиція князя Бековича-Черкасскаго въ Хиву, надолго сохранившаяся въ памяти народной и оставившая по себѣ только пословицу: «пропалъ, какъ Бековичъ!»

IV.

Какое же должно сдѣлать заключеніе объ этомъ безсмертномъ походѣ, подобномъ только развѣ походу Александра Македонскаго въ пустыняхъ Гедрозіи и подвигамъ римскихъ полководцевъ въ степяхъ пароянскихъ? По соображеніи вышеприведенныхъ обстоятельствъ, нельзя не вывести слѣдующаго:

1) Что походъ черезъ безводную и безкормную степь до самой Хивы возможенъ для 4,000-го русскаго войска.

2) Что Хивинцы не могутъ противостоять русскимъ войскамъ

и въ 10 разъ слабѣйшимъ числомъ (и, притомъ, изнуреннымъ труднымъ степнымъ походомъ).

3) Что неудачная развязка похода была слѣдствіемъ измѣны калмыцкаго хана Аюки и крайней неосторожности самого князя Бековича, т. е. дѣломъ случая.

Дѣйствительно, отрядъ Бековича, съ караваномъ, числомъ свыше 4,000 чел., отъ Гурьева-городка прошелъ до урочища Карагачъ степью около 1,350 верстъ, въ лѣтнее время, когда зной достигаетъ ужасающей степени (свыше 40° Р.), при недостаткѣ воды, которую приходилось добывать изъ выкапываемыхъ на каждомъ привалѣ и ночлегѣ колодцевъ, такъ что и во время остановокъ не было, можно сказать, никому отдыха. При этомъ должно замѣтить, что въ лѣтнее время и обыкновенные обитатели этихъ безплодныхъ странъ спѣшатъ откочевать на сѣверъ, ибо кормы (и всякая растительность) отъ зноя совершенно выгараютъ: отсюда можно заключить, что долженъ былъ терпѣть отрядъ Бековича, почти весь конный.

При всемъ томъ, князь Бековичъ, даже безъ промежуточныхъ пунктовъ, гдѣ бы можно было въ безопасности отдохнуть отсталымъ, оставить больныхъ и освѣжить отрядъ, съ небольшимъ въ 2 мѣсяца (65 дней) совершилъ безпримѣрный походъ, безъ сомнѣнія, потерпѣвъ значительно отъ недостатка воды и травъ и отъ изнуренія, при чрезмѣрномъ зноѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству Ходжи Нефеса, отрядъ фонъ-Франкенберга былъ для расквартированія раздѣленъ (какъ сказано нами уже выше, въ примѣчаніи) на 5 частей, изъ коихъ:

Двѣ части заключали по 600 чел., а обѣ вмѣстѣ. . .	1,200
Остальныя три части были по 400 чел. въ каждой, слѣдовательно во всѣхъ тоже	1,200
Черкасскій взялъ съ собою въ хивинскій лагерь около 700 чел., а распуская ихъ по квартирамъ, оставилъ при себѣ	240
На квартиры же отпустилъ съ узбеками около . . .	500
Да убито было въ трехдневномъ бою при уроч. Карагачъ	10
Слѣдовательно, отрядъ, достигшій р. Аму, состоялъ изъ	3,160

А какъ онъ, выступая изъ Гурьева, заключалъ въ себѣ свыше 4,000 чел., то потерю въ степи должно считать не менѣе

1,000 чел., т. е. ¼ часть только отъ однѣхъ трудностей похода (80).

Несмотря, однакожь, на перенесенныя въ степи чрезвычайныя лишенія, отрядъ этотъ со славою бьется трое сутокъ съ непріятелемъ въ 10 разъ сильнѣйшимъ и погибаетъ только отъ вѣроломства врага.

Азіятскія иррегулярныя войска во всѣ времена терпѣли пораженія отъ Европейцевъ, несоразмѣрно меньшихъ числомъ, и спасались только отъ ихъ ударовъ за знойными пустынями. Вѣковой произволъ азіятскихъ деспотовъ всегда убивалъ народный духъ и внушалъ апатію и неподвижность въ народностяхъ весьма энергическихъ и вначалѣ обѣщавшихъ успѣшное развитіе. Къ тому же застою вели и установившіяся въ Азіи вѣроученія.

Какъ бы то ни было, но мы видимъ Средне-Азіятцевъ и въ наше время въ томъ же положеніи, какими они были и во времена Бековича: невѣжественными, корыстолюбивыми и безчеловѣчными варварами, сражающимися тѣми же нестройными толпами, и тѣмъ самымъ оружіемъ, пищалями, копьями, саблями и топорами; почему нѣтъ ничего удивительнаго видѣть ихъ претерпѣвающими отъ незначительныхъ русскихъ отрядовъ невѣроятныя пораженія: такъ 3,000-й отрядъ князя Бековича, въ 1717 году, со славою отражаетъ трехдневныя нападенія 24,000 Хивинцевъ; акъ-мечетскій гарнизонъ, въ 1853 г., еще въ меньшемъ числѣ (подвигъ подполковника Огарева) разбиваетъ до 17,000 Коканцевъ и овладѣваетъ 17 ихъ орудіями; а въ 1860 г. 2,000-й отрядъ (подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Циммермана) овладѣваетъ въ 5 дней сильнымъ укрѣпленіемъ Коканцевъ (Пишпекъ) и разсѣеваетъ 20,000-е ихъ скопище.

Такимъ образомъ, только крайняя неосторожность князя Бековича да измѣна хана Аюки спасли Хиву, въ 1717 году, отъ Русскихъ.

И до похода князя Бековича хивинскія земли подвергались неоднократнымъ нашаденіямъ яицкихъ казаковъ, которые даже разъ внезапно овладѣли столицею ханства, но были истреблены

---

(80) Вспомнивъ, что въ укрѣпленіяхъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря гарнизоны лишились до ⅓ части людей, т. е. гораздо болѣе, нельзя не согласиться съ повѣрьемъ Киргизовъ, что «въ степи только и можно существовать кочуя».

на возвратномъ пути, обремененные добычею ([81]). Походъ же Бековича угрожалъ Хивѣ конечною гибелью. Случайныя обстоятельства воспрепятствовали тому.

Передъ отправленіемъ въ свою послѣднюю экспедицію, князь Бековичъ-Черкасскій лишился жены и двухъ дочерей, утонувшихъ въ самый день выхода его изъ Астрахани въ море. Это семейное горе произвело въ немъ сильное душевное потрясеніе, а чрезвычайные труды и потери степнаго похода и безпокойство о судьбѣ ввѣреннаго ему отряда должны были увеличить это нравственное разстройство, доходившее, повременамъ, до помѣшательства ума.

Вѣроятно, въ такую несчастную минуту князь Бековичъ отдавалъ свои приказанія фонъ-Франкенбергу раздѣлить отрядъ на части и распустить койска по квартирамъ, что и было причиною легкаго истребленія Русскихъ Хивинцами.

Но и до этого непростительнаго распоряженія можно замѣтить нѣсколько неосторожныхъ распоряженій со стороны Бековича: такъ, онъ, въ походѣ 1717 года, назвалъ себя «Давлетъ-Гирей-султаномъ» (въ переводѣ съ персидскаго означаетъ «покоритель владѣній») ([82]), что, обнаруживая его намѣренія, конечно, вредило успѣху экспедиціи, возбуждая подозрительность Азіятцевъ; потомъ также непредусмотрительно было отдѣленіе съ посланцами въ Хиву слабыхъ отрядовъ въ видѣ конвоя, ко-

---

([81]) Изъ этихъ нападеній на Хивинцевъ яицкихъ казаковъ, бывшихъ долгое время грозою степей, сохранилось болѣе подробное извѣстіе объ одномъ, а именно: что, въ началѣ XVII вѣка, воинственные яицкіе казаки (нынѣ уральскіе), перешедшіе передъ тѣмъ съ Волги на Уралъ, узнавъ отъ хивинскихъ купцовъ, что, въ лѣтнее время, въ главномъ тогда городѣ Ургенчѣ (нынѣ Куня-Ургенчъ) не бываетъ войска, рѣшились напасть на Ургенчъ, чтобъ похитить себѣ женъ и захватить добычу. И дѣйствительно: въ числѣ около 1,000 чел., они прошли Киргизскую степь чрезъ Усть-Уртъ, врасплохъ овладѣли Ургенчемъ и съ 1,000 женщинъ и богатою добычею, уложенною на повозки, пустились въ обратный путь. Но тогдашній ханъ, Арашъ Магометъ (отецъ извѣстнаго историка Абдулгазы-Багадуръ-хана), кочевавшій на берегу р. Аму-Дарьи, узнавъ о нападеніи, успѣлъ собрать значительное войско, настигъ казаковъ прежде удаленія ихъ изъ хивинскихъ земель. Окруженные и отрѣзанные отъ воды, они пили кровь свою, наконецъ рѣшились пробиться силою; но едва одна сотня изъ нихъ успѣла спастись и удалилась на одно изъ устьевъ Аму, гдѣ казаки думали питаться рыбною ловлею, въ ожиданіи благопріятнаго времени для возвращенія на Уралъ. Но убѣжище ихъ чрезъ 15 дней было открыто, и всѣ казаки были истреблены. (Въ 1602 г. См. «Краткое обозрѣніе достоп. событій Оренб. края». И. Жуковскаго. 1832 г.)

([82]) См. приложеніе № X, пунктъ 6, письмо старшинъ туркменскихъ въ Астрахань.

торыхъ тамъ заключали въ тюрьмы, между тѣмъ главныя силы его, безъ всякой надобности, ослаблялись.

За всѣмъ тѣмъ, конечною причиною погибели русскаго отряда въ Хивѣ мы должны признать измѣну калмыцкаго хана Аюки.

Мы уже выше упомянули, что, во время сбора войскъ въ Астрахань, въ 1716 году, ханъ Аюка просилъ князя Бековича помочь ему этими войсками въ нападеніи на владѣнія кубанскаго хана. Вѣроятно, не желая раздражать кубанскаго хана, близкаго сосѣда своего отечества, Кабарды, Бековичъ отказалъ въ своемъ содѣйствіи, отговариваясь неимѣніемъ на то Высочайшаго повелѣнія. Это возбудило въ Аюкѣ ненависть къ Бековичу, и онъ, конечно, спѣшилъ воспользоваться случаемъ къ отмщенію.

Несмотря на повелѣніе Петра Великаго содѣйствовать во всемъ Бековичу, на требованіе послѣдняго прислать въ помощь русскому отряду Калмыковъ, явилось ихъ въ Астрахань всего 32 человѣка, а на вторичное требованіе изъ Гурьева-городка какъ ханъ Аюка, такъ и подвластные ему султаны туркменскіе, отказали въ высылкѣ людей, отговариваясь невозможностію степнаго похода во время лѣтнихъ жаровъ. Однакожь, они прислали въ русскій лагерь около 10 человѣкъ проводниковъ, въ видѣ особаго ханскаго посольства въ Хиву, съ которою, какъ сосѣднею по своимъ владѣніямъ страною, калмыцкій ханъ поддерживалъ постоянныя сношенія. Это посольство, какъ мы уже видѣли, тайно оставивъ русскій отрядъ въ степи, упредило Бековича и, вѣроятно, подало хивинскому хану надежду легко истребить утомленное русское войско.

И въ то время, какъ всѣ участники похода злодѣйски истребляются въ Хивѣ, посольство хана Аюки свободно возвращается на родину.

Къ сожалѣнію, ханъ Аюка, подобно Кожину, избѣжалъ заслуженнаго наказанія, и хотя, въ 1719 году, мы видимъ въ Астрахани присланнаго изъ С.-Петербурга генералъ-аудитора Кикина, изслѣдывающаго на мѣстѣ обстоятельства несчастной экспедиціи, но, вѣроятно, ханъ Аюка успѣлъ искусно скрыть слѣды своей измѣны, тѣмъ болѣе, что могъ ссылаться на свое письмо къ оберъ-коменданту Чирикову, въ которомъ онъ, желая

въ будущемъ отклонить отъ себя подозрѣнія, предупреждалъ объ опасности похода въ Хиву.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовавшія приготовленія къ персидскому походу и потомъ самый походъ отвлекли вниманіе Петра отъ Хивы, а впослѣдствіи внутреннія событія и постоянное участіе Россіи въ европейскихъ войнахъ избавили Хиву отъ справедливаго возмездія.

Печальная же участь экспедиціи Бековича была современемъ забыта; но *память о ней должна сохраняться въ лѣтописяхъ необыкновенныхъ походовъ и тяжкихъ испытаній русскаго воинства.*

ДМИТРІЙ ГОЛОСОВЪ.

Г. Оренбургъ.
19 февраля 1861 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ I.

УКАЗЪ КАПИТАНУ ОТЪ ГВАРДІИ КНЯЗЮ ЧЕРКАССКОМУ.

1) Надлежитъ надъ гаваномъ, гдѣ бывало устье Аму-Дарьи рѣки, построить крѣпость человѣкъ на тысячу, о чемъ просилъ и посолъ хивинскій.

2) Ѣхать къ хану хивинскому посломъ, а путь имѣть подлѣ той рѣки, и осмотрѣть прилежно теченіе оной рѣки, такожъ и плотины; ежели возможно оную воду паки обратить въ старый токъ, къ томужъ протчія устья запереть, которыя идутъ въ Аральское море, и сколько къ той работѣ потребно людей.

3) Осмотрѣть мѣсто близъ плотины, или гдѣ удобно на настоящей Аму-Дарьи рѣкѣ, для строеніяжъ крѣпости тайнымъ образомъ; а буде возможно будетъ, то и тутъ другой городъ сдѣлать.

2) Хана хивинскаго склонять къ вѣрности и подданству, обѣщая наслѣдственное владѣніе оному, для чего представлять ему гвардію къ его службѣ и чтобъ онъ за то радѣлъ въ нашихъ интересахъ.

5) Буде онъ то охотно приметъ, а станетъ желать той гвардіи и безъ нея ничего не станетъ дѣлать, опасаясь своихъ людей, то оному ее дать сколько пристойно, но чтобъ были на его платѣ, а буде станетъ говорить, что перво нечѣмъ держать, то на годъ и на своемъ жалованьѣ оставить, а впредь чтобъ онъ платилъ.

6) Ежели симъ или инымъ образомъ склонится хивинскій ханъ, то просить его, дабы послалъ своихъ людей (при которыхъ и нашихъ два бы человѣка было) водою по Сыръ-Дарьѣ рѣкѣ, вверхъ до Иркети городка для осмотрѣнія золота.

7) Также просить у него судовъ и на нихъ отпустить купчину по Аму-Дарьѣ рѣкѣ въ Индію, наказавъ, чтобъ изъѣхалъ

ее, пока суда могутъ итти, и оттоль бы ѣхалъ въ Индію, примѣчая рѣки и озера и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной къ Индіи того или другаго и рѣками, и возвратитца изъ Индіи тѣмъ же путемъ, или ежели услышитъ въ Индіи еще лучшей путь къ Каспійскому морю, то онымъ возвратитца и отписать.

8) Будучи у хивинскаго хана провѣдать и о бухарскомъ, не можно ль ево хотя не въ подданство (ежели того нельзя сдѣлать), но въ дружбу привести такимъ же манеромъ, ибо и тамъ такожъ ханы бѣдствуютъ отъ подданныхъ.

9) Для всего сего надлежитъ дать регулярныхъ четыре тысячи человѣкъ, судовъ сколько потребно, грамоты къ обоимъ ханамъ, также купчинѣ къ ханамъ же и къ моголу.

10) Изъ морскихъ офицеровъ порутчика Кожина и навигаторовъ человѣкъ пять или болѣе послать, которыхъ употребить въ обѣ посылки: первая подъ образомъ купчины, другая къ Эркети.

11) Инженеровъ изъ учениковъ коломовыхъ дать двухъ человѣкъ.

12) Нарядить казаковъ яицкихъ полторы тысячи, гребенскихъ пятьсотъ, да сто человѣкъ драгунъ и добраго командира, которымъ иттить подъ образомъ провожанія каравана изъ Астрахани, и для строенія города, и когда оныя придутъ къ плотинѣ, тутъ велѣть имъ стать, и по той рѣкѣ, гдѣ плотина, прислать къ морю для провожанія ево сколько человѣкъ пристойно; вышеписанному командиру накрѣпко смотрѣть, чтобъ съ обыватели земли ласково и безтягостно обходилися, и для дѣланія тамъ города отпустить съ помянутыми конными нѣсколько лопатокъ и кирокъ.

13) Поручику Кожину приказать, чтобъ онъ тамъ развѣдалъ о пряныхъ зельяхъ и о другихъ товарахъ, и какъ для сего дѣла, такъ и для отпуску товаровъ, придать ему Кожину двухъ человѣкъ добрыхъ людей изъ купечества, и чтобъ оныя были не стары.

«По симъ пунктамъ Господамъ Сенату съ лутчею ревностію сіе дѣло какъ наискоряя отправить понеже зело нужно.»

Сіе писано Его Царскаго Величества собственною рукою.

Петръ.

Въ Либоу въ 14 день февраля 1716 года.

№ II.

ИНСТРУКЦІЯ ФЛОТА ПОРУЧИКУ КОЖИНУ, 14 ФЕВРАЛЯ 1716 ГОДА, ВЪ ЛИБОВѢ.

1) Ѣхать ему, какъ его отпуститъ капитанъ отъ гвардіи князь Черкасскій, водою, Аму-Дарьею рѣкою (или другими, кои въ нее впадаютъ) сколько возможно до Индіи, подъ образомъ купчины, а настоящее дѣло, дабы до Индіи путь водяной сыскать.

2) И когда уже нельзя будетъ ѣхать водою, и тамъ развѣдывать о томъ же тайнымъ образомъ.

3) Возвратиться назадъ тѣмъ же путемъ, развѣ ежели увѣдаетъ еще иной способнѣйшій путь водяной, то имъ возвратиться, и вездѣ, какъ водянымъ, такъ и сухимъ путемъ, все описывая, дѣлать карту.

4) Осмотрѣть какіе товары, а особливо пряныя зелья и прочее, что идетъ изъ Индіи.

5) Прочее, что здѣсь и ненаписано, а въ чемъ можетъ быть интересъ государства, смотрѣть и описывать.

№ III.

КОПІЯ СЪ ДОНЕСЕНІЯ ОТЪ ГВАРДІИ КАПИТАНА КНЯЗЯ ЧЕРКАССКАГО.

Высокоправительствующій Сенатъ!

По указу Его Царскаго Величества по пунктамъ, даннымъ мнѣ, которыя вамъ объявлены, по тѣмъ пунктамъ Ваше Высокоправительство извѣстны, для опредѣленнаго мнѣ дѣла, что надлежитъ мнѣ у васъ требовать, о томъ вамъ доношу:

1.

4,000 человѣкъ войска регулярнаго, 1,500 драгунъ, 2,500 солдатъ, съ полными штабъ и оберъ-офицеры, казаковъ 2,000; оному войску денежное жалованье, амуницы, провіанту, мундиру надобно на 3 года.

2.

Когда надлежитъ послать войска на показанное мѣсто сухимъ путемъ, какъ повелѣваетъ указъ, 2,000 человѣкъ, оному войску надлежитъ имѣть при себѣ провіанту, амуницы не на малое время, по конечной мѣрѣ на годъ, и подъ оной провіантъ надобно подводъ такихъ, на чемъ можно вести въ тѣ мѣста, куды они пойдутъ, а путь ихъ отъ границы нашей ѣзды на полтрети недѣли.

3.

Войско, которое надлежитъ послать моремъ для строенія крѣпости на взморьѣ, надобно имъ судовъ довольно, чтобъ могли умѣстить провіанту и другова, принадлежащаго солдатскому запасу, какъ въ пути, такъ и въ крѣпости, не на малое время себя безъ оскуденія содержали.

4.

Для посылокъ дальныхъ по рѣкамъ вверхъ, первая по Сыръ-Дарьѣ рѣкѣ для провѣдыванія золота, второе по Аму-Дарьѣ рѣкѣ въ Индію, подъ образомъ купчины, надобно дать денегъ на проѣздъ, чѣмъ бы имъ возможно до урѣченнаго мѣста доѣхать и оттоль возвратитца, и дѣло управить по волѣ Царскаго Величества, какъ повелѣваетъ указъ.

5.

Ономужъ купчинѣ, который пошлется въ Индію, надлежитъ при себѣ имѣть товаровъ, которые тамъ угодны, не скудно, чтобъ подозрѣнія ему въ томъ не было, понеже будетъ посланъ отъ Монаршескаго лица, съ чемъ ему возможно явитца къ нимъ.

6.

Ежели хивинскій ханъ вытребуетъ гвардіи себѣ 500 человѣкъ или болѣе, на платѣ Царскаго Величества оставить на годъ, какъ повелѣваетъ указъ, надобно, по числу людей, дать имъ денежное жалованье, чемъ оные люди возмогли себя содержать въ чужой землѣ.

7.

Изволите приказать грамоты, по указу, первая хивинскому хану, бухарскому и моголу отправить.

8.

Ежели не будетъ въ послушаніи Астрахань, казанскому губернатору дать указъ, чего будетъ требовать изъ Астрахани, чинили бы исправленіе, кому будетъ приказано Астрахань, безъ всякаго задержанія.

9.

Пушкарей 24 человѣка отъ артиллеріи, понеже въ нихъ есть нужда.

10.

Въ Московскую губернію, въ Казанскую указы послать: офицеровъ изъ царедворцевъ и другихъ чиновъ къ сей службѣ, по требованію моему, отпускали бы со мною по возможности.

11.

2 человѣкъ инженеровъ изъ учениковъ, о чемъ значитъ въ указѣ, откуды взять.

12.

3 человѣкъ лекарей изъ Москвы съ довольнымъ лекарствомъ, по числу людей, которымъ надлежитъ быть въ службѣ.

13.

Надлежитъ послать указъ въ Московскую губернію и въ Нижегородскую: сухимъ путемъ подводъ, водянымъ путемъ суды безъ прогоновъ давали бы, а коли съ прогонами, дать на прогоны денегъ и комвою для проѣзда моего.

Капитанъ отъ гвардіи князь Черкасскій.

Санктъ-Петербургъ, 4 дня марта 1716 году.

№ IV.

Марта въ 14 день нынѣшняго 716 года, по указу Великаго Государя, Правительствующій Сенатъ, слушавъ оныхъ пунктовъ, приговорили: «войска регулярнаго отправить два полка солдатскихъ: одинъ изъ Казани, другой изъ Астрахани, въ которыхъ бы было по тысячѣ по двѣсти человѣкъ въ полку, да съ Самары пятьдесятъ, съ Саратова сто, изъ Дмитровска сто, съ Царицына сто, съ Краснаго Яру, да съ Чернаго Яру по двадцати по пяти, итого четыреста человѣкъ; да изъ Азовской губерніи полкъ, а въ немъ бы было тысяча двѣсти человѣкъ, всего четыре тысячи человѣкъ; да драгунъ сто человѣкъ изъ Астраханскаго шкадрона съ полными штабъ и оберъ-офицеры, давъ тѣмъ штабъ и оберъ-офицеромъ и солдатомъ и драгуномъ армейское денежное жалованье на годъ, а именно: штабъ и оберъ-офицеромъ, по ихъ рангомъ, полное, а солдатомъ по пятнадцати алтынъ на мѣсяцъ человѣку, изъ вышеупомянутыхъ же губерній и съ положеннаго числа на тѣ полки; а для раздачи того жалованья послать при тѣхъ полкахъ полковыхъ комисаровъ, у которыхъ быть раздачѣ тому жалованью, а надъ ними быть брегадъ-комисару и учинить имъ жалованье годовое: брегадъ-комисару сто сорокъ рублевъ, комисаромъ по сту рублевъ человѣку, а раздавать тѣмъ комисаромъ на полки жалованье по мѣсячно, а для усмотрѣнія послать при тѣхъ полкахъ и фискаловъ. Провіанта на тѣхъ солдатъ и на драгунъ, и на казаковъ отпустить и съ Казани въ Астрахань на годъ, а изъ Астрахани взять на полгода или на нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ, господинъ князь Чер-

каской, востребуетъ, усматривая лутчею; а подъ людей и подъ провіантъ дать суды изъ Астрахани, которые тамъ есть готовые, а чего недостанетъ сдѣлать сколько надлежитъ, по ево, господина князя Черкаскаго, требованію. И какъ онъ, господинъ князь Черкаской, прибудетъ въ Астрахань и на готовыхъ наличныхъ судахъ людей и провіантъ посылать ему до назначеннаго мѣста, прежде походу своего, въ разные отпуски съ возвращеніемъ судовъ, отпуска въ два или три, или какъ возможно по своему разсмотрѣнію, усматривая лутчею, чтобъ тѣми судами мочно убратца, и вновь бы строить судовъ не многое число; а ежели всему отпуску, какъ людми, такъ и провіанта, быть вдругъ и для того строенію тѣмъ судамъ надобно число многое, въ чемъ казнѣ Государевой будетъ издержаніе излишнее и въ дѣлѣ тѣхъ судовъ замедленіе, а устроеніе тѣхъ судовъ быть въ Астрахани, и деньги на тѣ расходы держать Ждану Кудрявцову, которому расходу имѣть ему у себя записные книги съ подлиннымъ извѣстіемъ; на солдатъ же отпустить изъ Астрахани рыбы сазановъ или осетровъ коренныхъ по полупуду, вина по ведру, да уксусу по ведружъ на человѣка; имъ же солдатомъ или драгуномъ на каждаго человѣка дать по шубѣ сверхъ жалованья, купя цѣною по полтинѣ. Нерегулярнаго войска послать казаковъ яицкихъ тысячу пять сотъ, гребенскихъ пять сотъ, итого двѣ тысячи человѣкъ, давъ имъ денежное жалованье, а именно: атаманомъ по сороку рублевъ, полковникомъ по двадцати по пяти, ясауломъ, знаменщикомъ, войсковому писарю по пятнадцати, рядовымъ казакомъ по десяти руб. человѣку, имъ же казакомъ и драгуномъ взять съ собою провіанта на три мѣсяца на своихъ вьюшныхъ лошадяхъ, а драгуномъ подъ тотъ провіантъ дать дву человѣкамъ лошадь, итого пятдесятъ лошадей; казакомъ же и драгуномъ подъ провіантъ еще въ прибавокъ ко вьюшнымъ купить въ Астрахани двѣсти верблюдовъ, цѣною въ десять рублевъ верблюда. Пушкарей двадцати четырехъ человѣкъ, порохъ и свинецъ противъ людей регулярныхъ и нерегулярныхъ, также лопатокъ, кирокъ по ево господина князя Черкаскаго требованію, отправить изъ Казанской губерніи; инженеровъ изъ учениковъ, дву человѣкъ, кулеминыхъ взять изъ артиллеріи, лекарей трехъ человѣкъ съ полными годовыми лекарствы, по препорціи людей, отпустить изъ Аптекарскаго Приказу; съ купчиною къ моголу надлежащіе то-

вары купить на Москвѣ, или въ Астрахани, а именно на пять тысячь рублевъ. Порутчику Кожину и посланнымъ съ нимъ на проѣздъ, и на кормъ, и на провозъ товаровъ и на всякіе расходы дать тысячу рублевъ, да въ другой путь къ Иркети послать пять человѣкъ, на проѣздъ имъ дать по сту рублевъ человѣку; съ порутчикомъ Кожинымъ дву человѣкъ добрыхъ людей и съ купечества послать изъ Астрахани; которая гвардія оставлена будетъ въ Хивѣ и иной быть съ тѣмъ же посланнымъ жалованьемъ, а что впредь сверхъ взятаго годоваго жалованья понадобитца о томъ писать. Ему г. князю Черкаскому на полковые и на всякіе расходы дать на Москвѣ тысяча рублевъ, да отъ Москвы до Нижняго дать тридцать подводъ, а отъ Нижняго до Астрахани, по числу подводъ, два судна съ гребцы, а прогоны отъ Москвы до Астрахани выдать на Москвѣ исъ канцеляріи Сенатцкаго Правленія. Объ отпускѣ грамотъ къ хану хивинскому, бухарскому и моголу и о присылкѣ въ канцелярію Сената вѣдѣнія, для чего бухарской посолъ сюда пріѣзжалъ и посланному и съ Приказу большіе казны купчинѣ Семену Малинькому къ моголу въ грамотѣ какъ было написано, послать указъ въ Посольскую Канцелярію, да и съ Приказомъ большіе казны справитцажъ какіе съ нимъ Малинькимъ посланы были товары, и что о той своей бытности и пути отъ него Малинькова или отъ товарищей ево по пріѣздѣ къ Москвѣ объявлено. На вышеписанные расходы деньги давать изъ соляныхъ сборовъ, а именно: ему господину князю Черкаскому и на покупку товаровъ съ купчиною на Москвѣ и съ Помѣстного Приказу, казакомъ жалованье послать и съ Казани, на строеніе судовое и припасы и порутчику Кожину на расходы, и въ другой путь къ Иркети посланнымъ для проѣзду и солдатомъ на покупку шубъ изъ Астрахани, и о вышеписанномъ о всемъ куды надлежитъ послать Его Великаго Государя указы.

№ V.

ДОНЕСЕНІЕ КНЯЗЯ БЕКОВИЧА ГЕНЕРАЛЪ-АДМИРАЛУ ГРАФУ АПРАКСИНУ.

Государь мой милостивый патронъ,

Федоръ Матвѣевичь!

Желаю вамъ моему г. продолжительнаго здравія и щастливаго пребыванія.

Прошу васъ моего г. дабы я не былъ оставленъ въ м. в. писаніи и въ призрѣніи, въ чемъ имѣю на васъ моего м. г. надежду, яко на роднаго отца.

О себѣ вамъ моему г. доношу: отъ новопостроенной крѣпости принужденъ пріѣхать въ Астрахань для отправленія казаковъ и съ ними драгунъ въ указанное мѣсто, о чемъ вамъ пространно извѣстно.

Казаки яитскія и гребенскія до моего возвращенія въ Астрахань не всѣ были въ собраніи указное число; при мнѣ пріѣхали оставшихъ отъ прежнихъ яитскихъ 340, гребенскихъ 200, а въ указное число не дослали 360 человѣкъ. Сего мѣсяца 15 дня отправилъ казаковъ и драгунъ куда повелѣно, а самъ стану въ указномъ мѣстѣ ждать присылки. Съ великимъ трудомъ, по моему скудоумію, отправленіе чиновъ по волѣ Его Величества; ежелибъ себя непонудилъ въ Астрахань къ дальности пути зимнимъ временемъ не на обычайныхъ подводахъ, на верблюдахъ, яко купцы египетскіе, не отправлены были бъ казаки съ принадлежащими ихъ припасы и провіантомъ.

Доношу вамъ моему м. г. присланъ мундиръ на полкъ Коротоятскій вашей губерніи отъ г. вице-губернатора Колычева, только одни кафтаны половина дѣланныхъ, а другая половина сукнами, обинковые бѣлье, на обуви, на чулки, на башмаки, и на другое прислано деньгами, а купить въ Астрахани обуви неспособно, понеже мало. Прошу вашего милосердія о жалованье полку, дабы было прислано, уже и срокъ проходитъ, а коли безъ жалованья будутъ, вамъ извѣстно, не безъ труда офицерамъ и солдатамъ гдѣ они обрѣтаются въ новой крѣпости; про нихъ есть купеческіе люди и имѣютъ на продажу всякій харчь.

Впрочемъ, остаюсь всегда должный вамъ слуга моего м. г. и патрона князь Черкасскій

Александръ.

Со взморья изъ пути, апрѣля 3-го 1717 г.

№ VI.

ДОНЕСЕНІЕ ПОЛКОВНИКА ФОНЪ-ДЕРЪ-ВИДЕНА ГЕНЕРАЛУ ГРАФУ АПРАКСИНУ ОБЪ ЭКСПЕДИЦІИ КНЯЗЯ БЕКОВИЧА.

Премилостивый государь Федоръ Матвѣевичь.

Доношу вашему сіятельству.

Въ прошломъ 1716 г. по указу Царскаго Величества и по вашему изволенію отправленъ я изъ Воронежской губерніи изъ

Павловскаго съ Коротоякимъ полкомъ, лейбъ гвардіи съ г. капитаномъ княземъ Черкасскимъ, за море Каспійское и переѣхалъ въ урочище Красныя воды съ нимъ княземъ Черкасскимъ, и съ тѣхъ Красныхъ водъ поѣхалъ онъ въ Астрахань декабря 18 дня 1716 года сухимъ путемъ, а меня оставилъ на той косѣ морской, которая подъ владѣніемъ трухменскихъ народовъ, съ двумя полками съ Коротоякимъ, да съ Астраханскимъ, а въ тѣхъ полкахъ были въ прибытіи по половинѣ полковъ, а другіе были не въ пріѣздѣ, понеже ихъ погодою морскою разнесло и вымѣтало по берегамъ на персидскій кряжъ и на трухменской, и по отъѣздѣ своемъ приказалъ мнѣ строить крѣпость на пескѣ сыпучемъ ракушкою, и оставилъ у меня инженернаго ученика; и той ученикъ окапывалъ пещанымъ валомъ, а каменья возить было не на чемъ; бригантинъ въ прибытіи не было, и я съ Красныхъ водъ весною за ними посылалъ и тѣ разбитые бригантины съ береговъ стаскивали и починяли, для того, что онѣ были худы, и дѣланы стараго разбитнаго дубнаго лѣса; и мы на той косѣ морской въ пещаномъ валѣ сидѣли по самой крайней нуждѣ, октября по 3-е число 1717 г., а какъ я извѣстіе получилъ про него князя Черкасскаго, что Хивинцы со всѣмъ войскомъ ево побили, и въ полонъ побрали; такожъ Трухменцы, про которыхъ писалъ онъ князь, будто курантъ цѣловали, и поддали подъ руку Его Царскаго Величества, тѣ стали люди нашихъ въ полонъ брать, и ихъ бить, и на крѣпость приступать сухимъ путемъ и моремъ; и какъ въ томъ мѣстѣ безъ дровъ и безъ воды пресной и безъ лѣсу, который бы годенъ къ городовому строенію и за тѣмъ быть невозможно, и я ему князю потомъ должность свою отдавалъ, и говаривалъ, при другихъ штабъ и оберъ офицерахъ, кой мнѣ говаривалъ: дѣлай то, что повелятъ, ты оставляешся на пробу. И уже у насъ обоихъ полковъ людей померло многое число, а другіе больные, и за тѣмъ извѣстіемъ сдѣлавъ я обычайной совѣтъ со всѣми штабъ и оберъ офицерами, что, конечно, быть невозможно и города безъ дровъ, безъ воды и безъ земли не бываютъ, подписали руками, чтобъ оставя оное мѣсто отъѣхать въ Астрахань, дабы послѣднихъ людей не утратить, такожъ ружья и аммуницію не отдать непріятельскимъ людямъ; и ежелибъ доведены быть, тобы и судовъ достальныхъ согнать до Астрахани некому и людей не оставалось бы никово въ живыхъ. А прибылъ я въ

Астрахань апрѣля 3 числа нынѣшняго 1718 г. и команды моей оставшей малое число, а иные еще несобраны съ моря; а что насъ прибытіи въ Астрахань и что не въ пріѣздѣ о томъ значитъ вашему сіятельству посланная при семъ письмѣ и табель.

А что г. капитанъ князь Черкасскій взялъ съ собою изъ Коротояцкаго полку въ хивинской походъ присланнаго изъ Воронежской губерніи солдатскаго мундиру и Государевыхъ лошадей и всякихъ полковыхъ припасовъ, посланажъ до вашего превосходительства роспись.

Объ ружьяхъ, объ шпагахъ и о другой полковой аммуниціи, что было въ Коротояцкой полкъ принято для похода за море, и что изъ того числа пропало на море, и взято отъ непріятельскихъ людей и съ моря не въ пріѣздѣ, и что при полку нынѣ на лицо, о томъ посланожъ вѣденіе на Воронежъ въ канцелярію.

Двѣ бусы, которыя не въ прибытіи въ Астрахань: на нихъ оберъ и унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ солдатъ и не служащихъ 191 человѣкъ, а что какихъ чиновъ значитъ посланная табель до вашего сіятельства и нынѣ такіе бусы еще ни гдѣ неявились ни на персидскомъ кряжу ни на турхменскомъ, и вѣдомости про нихъ нѣтъ.

Нынѣ пребываемъ въ Астрахани, а указа отъ вашего сіятельства никакого неимѣемъ гдѣ намъ быть повелите? А другіе полки Казанской губерніи опредѣлены по прежнимъ гарнизонамъ и Казанской уже полкъ отправляется на судахъ въ Казань, а я безъ указа изъ Астрахани итти не смѣю, и о томъ ваше сіятельство что повелишъ?

Унижающій рабъ вашъ
полковникъ фондеръ-Виденъ
(фанъ-деръ-Вейде).

Апрѣля 30 дня 1718 г.

Примѣчаніе. Табелей не найдено.

№ VII.

ДОНЕСЕНІЕ ЛЕЙТЕНАНТА КОЖИНА ГЕНЕРАЛЪ-АДМИРАЛУ ГРАФУ АПРАКСИНУ.

Милосердый государь, мой отецъ Федоръ Матвѣевичь!

Доношу вашему высочеству, что въ указѣ в. писано мнѣ взять у капитана Черкасскаго указъ, который съ нимъ посланъ Его Царскаго Величества, и онаго мнѣ не отдалъ, и путь мой

со зломъ обращается, въ который я не могу ѣхать прежде, не видя Его Величества и в. в. не донести.

Прежде же доношу и прошу, чтобъ я въ семъ непогибъ, что зело наша начинающая со зломъ.

Первое то, что Хивинцы и Бухарцы узнали наши пути и собрались противъ войною. Чрезъ небреженіе они узнали, что не посольство, но съ войскомъ, которое имѣли мы прошлаго года; транспортъ сдѣлали и посадили въ двухъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ свѣжей воды; малымъ отмѣнна отъ морской, и пески отъ моря потоплыя и вонь непомѣрная, гдѣ не можетъ никакому существу человѣческому жить.

И г. фонъ-деръ-Вейде, полковникъ Коротоякаго полку, остался и при немъ отъ двухъ полныхъ полковъ и другихъ служителей здоровые въ трехъ стахъ человѣкахъ, съ небольшимъ, а въ другія въ два мѣсяца къ Богу пошли, а иные отходятъ въ скорости, а въ Тюпъ-Караганѣ и еще злѣе; такъ же Астрахань очищена, и купечество, что близь того, всѣхъ разогнали, а чего хотимъ искать ей не тайно, и нѣтъ ничего. Чего ради прошу, чтобъ я не оставленъ в. отеческой милости и отъ оныхъ причинъ былъ бы я безъ опасти, а уже степной путь упозданъ, и какъ г. князь Черкасскій пойдетъ на Яикъ, о окрестныхъ дѣлахъ буду тотчасъ до вашего высочества донести, то ради онаго написать не можно о состояніи нашихъ дѣлъ и о пути своемъ какъ можно мнѣ имѣть проѣздъ мой.

Вашего высочества покорный рабъ

Александръ Кожинъ.

Астрахань. 18 апрѣля 1718 г.

№ VIII.

Октября 25 дня 1717 года въ донесеніи казанскаго губернатора написано:

«Октября 4 дня писалъ въ Казань изъ Саратова комендантъ Дмитрій Бахметевъ: сентября де 29 дня явился ему въ Саратовѣ ханскаго улуса Калмычанинъ Бакша и сказалъ: посланъ де онъ былъ отъ хана Аюки самъ четвертъ съ г. княземъ Черкасскимъ до Хивы, и онъ де капитанъ, прибывъ на рѣку Дарью, не доѣзжая Хивы за три дни, послалъ къ хивинскому Ширгазѣ хану астраханскаго дворянина Михайлу Каретова и съ нимъ 100 человѣкъ, и его де Михайлу и служилыхъ людей въ Хивѣ за-

держали, и изъ тѣхъ людей два человѣка яицкихъ казаковъ да два человѣка Хивинцевъ прислалъ онъ Ширгаза ханъ къ нему капитану, и оные де Хивинцы говорили ему капитану: ежелибъ де онъ князь Черкасскій отъ Царскаго Величества, съ нимъ бы де надобно людей человѣкъ 200, а нынѣ съ нимъ людей много, и построилъ де онъ въ Тюпъ-Караганѣ и въ Красныхъ водахъ два города, а и въ Хивѣ де тожъ учинитъ. И потому звали его князя Черкасскаго къ себѣ въ Хиву, дабы онъ капитанъ ѣхалъ; и онъ капитанъ сказалъ имъ: ежели посланнаго его Каретова съ служилыми людьми отпустятъ, то де онъ капитанъ итти и видѣться съ ханомъ готовъ. И послѣ де того спустя шесть дней хивинскій ханъ Ширгазы, собравшись многолюдствомъ съ Хивинцы, о которыхъ сказывали ему Бакшѣ будто 20,000 пришли на р. Дарью въ урочище Харабуметь, и русское войско обошли кругомъ, и капитанъ князь Черкасскій сдѣлалъ валъ и ровъ, и оные де Хивинцы приступали и били боемъ пять дней, и хивинскій де ханъ и капитанъ договорились, чтобъ между собою бою не чинить, а имъ Хивинцамъ принять его капитана какъ принимаются обычайные послы. И по договору де онъ капитанъ и съ служилыми людьми пошелъ къ городу Хивѣ, а ханъ де хивинскій шелъ съ нимижъ, и оный де ханъ съ нимъ капитаномъ пили и ѣли вмѣстѣ; и не доѣдъ де до Хивы за день, они Хивинцы его капитана и служилыхъ людей разобрали безъ бою и привезли въ Хиву; и на другой день хивинскій ханъ Ширгазы (сказывали оному Калмыку Бакшѣ), что де онъ ханъ капитана князя Черкасскаго и астраханскаго дворянина князя Михайлу Заманова казнилъ, отсѣкъ головы и кожи снявъ, велѣлъ набить травою и поставилъ у воротъ; и онъ де Бакша оныя головы видѣлъ, а подлинно ли де капитанская и Заманова головы? того онъ неопозналъ для того, что кожи сняты съ головъ и набиты травою, а другихъ де служилыхъ людей хивинскій ханъ роздалъ всѣхъ Хивинцамъ, человѣкъ по десяти и по пяти и меньше человѣку, и нынѣ держитъ при себѣ, а на бою и въ Хиву никого кромѣ капитана и Заманова не убито (1),

(1) Не надо забывать, что Бакша подданный калмыцкаго хана Аюки, недоброжелательствовавшаго Бековичу, и что онъ-то именно и посланъ былъ Аюкою, съ цѣлью отклонить подозрѣніе въ измѣнѣ Калмыковъ. Показаніе же его объ убіеніи только двоихъ: Черкасскаго и Заманова, можетъ служить явнымъ желаніемъ оправдать Хивинцевъ.

и хивинскій де ханъ его Бакшу и товарищей его отпустилъ, да съ нимъ отпустилъ астраханскихъ мурзъ и Татаръ, Булата съ товарищи, и горскихъ Черкесъ, которые были при капитанѣ князѣ Черкасскомъ 70 человѣкъ; а какъ де онъ къ хану Аюкѣ пріѣхалъ, и тогожъ де часу онъ, ханъ, послалъ его въ Саратовъ объ ономъ донести ему Бахметеву.»

Примѣчаніе. Подлинная выписка изъ донесенія казанскаго губернатора безъ подписи; самаго же донесенія не отыскано.

№ IX.

Показаніе, 13 іюня 1720 года, астраханскаго подъячаго Волковоинова, освобожденнаго изъ плѣна отъ Туркменъ Калмыками и бывшаго въ экспедиціи Бековича, о походѣ Бековича, взятіи въ плѣнъ его отряда и о прочемъ.

Астраханскій подъячій Михайло Волковоиновъ въ допросѣ сказалъ: «Въ прошломъ де 1717 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, а въ которомъ числѣ не упомнитъ, взятъ де онъ былъ въ хивинскій походъ по требованію лейбъ-гвардіи капитана князя Черкасскаго. И не доѣхавъ до Хивы дни за 2 или за 3, наѣхалъ на него князя Черкасскаго хивинскій Ширгазы ханъ съ войскомъ своимъ и былъ между ними бой 3 дни, и послѣ де того бою, помирились и цѣловали оные Хивинцы, по своей мусульманской вѣрѣ, куранъ. И потому мирному состоянію, и по договорамъ, и по просьбѣ помянутаго хивинскаго хана, а за умаленіемъ у него, князя Черкасскаго, провіанта, отдалъ имѣющихся при своей командѣ Государевыхъ служивыхъ людей для прокормленія, и оные де Хивинцы, взявъ, развели ихъ въ разныя мѣста. А онъ де князь Черкасскій, послѣ того мирнаго состоянія, остался у онаго хана въ шатрѣ. А куды кого отвезли, того онъ не знаетъ, а его Михайлу взяли Казабатцы и жилъ, по раздѣлу, у Узбека Халмаметя, съ 3 мѣсяца, и послѣ того продали его изъ Ургенча въ Балаханскіе горы, Трухмену, какъ его зовутъ, того не упомнитъ, и жилъ де у него съ годъ; а изъ Трухмени де онъ проданъ былъ Іомутцамъ (Іомудамъ—туркменское же племя) и жилъ у него съ полгода; а изъ Іомутцевъ де продали къ морю Огружанцамъ, которые кочевьемъ живутъ близь Красноводскихъ водъ, и жилъ у Огружанца у Маметъ Турата года съ полтара и работалъ на нефтяныхъ заводахъ. И въ нынѣшнемъ году, въ мартѣ мѣсяцѣ, взялъ его Михайлу калмыцкаго хана Аюки

владѣлецъ Тяжа, который пріѣзжалъ отъ него хана на вышеупомянутыхъ Огружанцевъ войною, и взявъ, привезъ его на Яикъ въ Гурьевъ городокъ, а изъ Гурьева городка господинъ поручикъ и комендантъ Епанчинъ прислалъ его въ Астрахань.»

Подъ показаніемъ рукоприкладство Волковоинова.

(Изъ связки писемъ отъ калмыцкихъ владѣльцевъ и другихъ лицъ въ Астрахань, названной въ описи того же архива: «Столпъ присланныхъ отъ хана Аюки и Чадыръ хана листовъ и переводовъ, въ бытность генералъ-аудитора Кикина, 1719 г., № 6».)

№ X.

Акты, собранные чиновникомъ Археографической Коммиссіи Матвѣевымъ и относящіеся до бывшаго въ Астрахани съ 1715 года хивинскаго посланника Ашуръ-Бека, дѣйствій въ 1715, 1716, 1717 и 1719 Туркменъ тюпъ-караганскихъ и экспедиціи Бековича-Черкасскаго.

(Подлинные хранятся въ архивѣ астраханскаго калмыцкаго управленія.)

1.

Изъ связки писемъ отъ калмыцкихъ владѣльцевъ и другихъ лицъ къ астраханскому оберъ-коменданту Чирикову, названной въ описи упомянутаго архива: «Письма Аюки Хана отъ 11 генваря 1715 года о разныхъ калмыцкихъ дѣлахъ, о крымскихъ и кубанскихъ извѣстіяхъ»:

1. № 17—письмо, полученное въ Астрахани, въ мартѣ 1715 г. отъ Хивинцевъ: аталыка Ишкара и Назаръ Ходжи инака (2) къ хивинскому посланнику Ашуръ-Беку (3), на татарскомъ языкѣ. «Почтеннаго, искренняго и великодушнаго, мужа благородныхъ достоинствъ и высокихъ качествъ, возсылая къ Богу молитвы о соединеніи сердецъ, извѣщаемъ:

(2) Аталикъ и инакъ—первостепенныя достоинства при ханѣ.

(3) Ашуръ-Бекъ, посланникъ хивинскій въ Россіи, былъ въ Петербургѣ въ 1713 и 1714 г. Онъ пользовался расположеніемъ Петра Великаго и имѣлъ близкія сношенія съ сибирскимъ тогдашнимъ воеводою княземъ Гагаринымъ. При образовавшемся въ то время предположеніи относительно стараго потока Аму-Дарьи и золотоноснаго песку рѣки этой,—предположеній, основанныхъ на представленіяхъ князя Гагарина и разсказахъ Туркменца Ходжи Нефеса, Ашуръ-Бекъ, подтвердивъ разсказы Нефеса, предлагалъ Петру I построить на устьѣ стараго потока Аму-Дарьи—вѣроятно, на Красноводской косѣ—укрѣпленіе на 1,000 чел. гарнизона, объявляя, что хивинскій ханъ не будетъ препятствовать работамъ для прорытія предполагавшейся плотины и отвода Аму-Дарьи въ старое русло. Ашуръ-Бекъ отпущенъ былъ изъ Петербурга въ 1715 г. и впослѣдствіи задержанъ въ Астрахани.

Слава Богу! по милости Его мы живы и здоровы. Были въ Меккѣ, ѣдемъ теперь на свою сторону и надѣемся, что, съ помощію Всевышняго, достигнемъ до нея. Дай Богъ и вамъ здраво и невредимо возвратиться домой. Мы очень радовались, услышавъ, что вы отпущены (изъ Москвы) съ большою честію. Да будетъ вамъ извѣстно: Ядыгеръ-ханъ умеръ, на мѣсто его вступилъ ханъ Арангъ. Въ юртахъ (4) и въ народѣ повсюду спокойно. Если не удалось меньшему брату заступить его мѣсто, старшій будетъ царствовать. Мы хотѣли было ѣхать съ вами вмѣстѣ, но не сдѣлалось по нашему и мы поѣхали одни. Поѣзжайте и вы немедленно (въ Хиву), не опасаясь ничего: бѣды никакой не будетъ. Если ханъ и народъ будутъ живы и здоровы — возмущенью не бывать, и вы преспокойно пріѣдете въ Бухару. Мы, по дружбѣ къ вамъ, все сдѣлаемъ для васъ, и постараемся расположить хана въ пользу вашу. Тогда посмотримъ, какъ лучше, когда это угодно будетъ Богу.

Еще одно слово: ѣхавши въ Москву, вы въ нуждѣ заняли у здѣшнихъ (5) Хивинцевъ денегъ, заплатите. Васъ вознаградитъ Богъ за это, и въ сей, и въ будущей жизни. Впрочемъ вы лучше меня знаете. Они дѣти значительныхъ и почтенныхъ людей, не оскорбляйте ихъ, доброе сдѣлаете дѣло, а мы съ своей стороны будемъ также рады и довольны этимъ.»

Писалъ письмо Мегди.

2. № 18—письмо хивинскаго посланника Ашуръ-Бека, отъ 5 марта 1715 г., къ астраханскому оберъ-коменданту Чирикову, на татарскомъ языкѣ:

«Именитому и почтенному астраханскому боярину, отъ посланника Ашуръ-Бека почтеніе и поклонъ. Послѣ поклона объясню: я привезъ къ вамъ отъ Бѣлаго Царя указъ, съ повелѣніемъ отпустить меня, куда я захочу, по моей волѣ; вы тоже обѣщались меня отпустить. Если хотите это сдѣлать, то отпустите меня вмѣстѣ съ біемъ Адиль-Гиреемъ; онъ мнѣ будетъ хорошимъ спутникомъ. Казанскому боярину (6) я писалъ письмо, и вы писали. Можетъ быть Государь изволитъ оказать мнѣ ми-

(4) Юртъ—нѣсколько кибитокъ, кочующихъ вмѣстѣ,—владѣніе.

(5) Астраханскихъ.

(6) Казанскій бояринъ—губернаторъ казанскій Салтыковъ. Астрахань входила тогда въ составъ губерніи Казанской. Оберъ-комендантъ астраханскій, управлявшій въ Астрахани дѣлами, былъ въ зависимости отъ казанскаго губернатора.

лость; кромѣ васъ, у меня нѣтъ здѣсь друга, — при Государѣ у меня другъ Гагаринъ, а здѣсь вы. Я оставляю у васъ человѣка, и что будетъ слѣдовать ко мнѣ — вы отдадите ему. Если Государь, по милости своей, прикажетъ вамъ отдать мнѣ пушки (7), для сего оставляю еще одного человѣка, и съ нимъ вы отправите эти пушки въ Хиву. Если же нѣтъ, то въ этомъ его воля. И такъ, не разлучайте меня съ тѣмъ товарищемъ. Хивинскіе инаки оставили мнѣ здѣсь письмо, въ которомъ просили заплатить, кому я долженъ, долги; долги я всѣмъ отдалъ, теперь не долженъ никому, даже и на расходы ничего не осталось. Можете объ этомъ спросить отъ Садыка Ходжи и Абрама. Кромѣ долга Садыкъ Ходжи, я 500 р. заплатилъ другимъ. И такъ, зачѣмъ вы меня держите? скажите причину, или меня самого призовите, или пришлите, для объясненія, какого нибудь вѣрнаго человѣка. Мнѣ Государь сдѣлалъ порученіе ѣхать въ Индію, для покупки попугаевъ и барсовъ (8). Для исполненія Царскаго приказанія, надобно ѣхать скоро; надѣюсь скоро возвратиться. Дай Богъ Царю добраго здоровья, а равно и вамъ. Можетъ быть, Богъ приведетъ меня еще послужить Царю.»

Въ печати слова: Ашуръ Мухаммедъ ибнъ (сынъ) Мухаммедъ.

3. № 28—письмо хивинскаго посланника Ашуръ-Бека, писанное въ апрѣлѣ 1715 г., къ оберъ-коменданту же Чирикову, на татарскомъ языкѣ:

«Да будетъ извѣстно вамъ боярину, что 6 пушекъ съ лафетами (арба—телѣга) и со всѣми припасами, боченокъ полный и запечатанный пороха въ 8½ пуд. (въ дорогѣ можетъ быть 2½ пуда истрачено), 270 ядеръ, мѣшокъ съ пенькою, все это отдали мы князю Михаилу (9); указъ Государевъ, выданный изъ Приказа, отданъ ему же князю Михаилу.

---

(7) Пушки, числомъ 6, со всѣмъ снарядомъ, и нѣсколько пудовъ пороху, на отпускѣ Ашуръ-Бека изъ Петербурга, даны были ему Петромъ I для доставленія въ Хиву, въ даръ хивинскому хану, съ которымъ, какъ видно изъ этого, во время посольства Ашуръ-Бека, Петръ I хотѣлъ войдти въ дружественныя сношенія.

(8) Петръ I, имѣя въ виду развѣдываніе ближайшаго пути въ Индію и заведеніе торговыхъ сношеній съ этою богатою страною, какъ это видно изъ назначенія, впослѣдствіи, для достиженія этой цѣли, лейтенанта Кожина, и потомъ Тевкелева, вѣроятно, дѣлалъ подобныя же порученія Ашуръ-Беку, который, закупивъ порученные ему товары въ Индіи, долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ.

(9) Князь Михаилъ—оберъ-комендантъ Чириковъ—самъ, вѣроятно, по приказанію царскому, отобралъ у Ашуръ-Бека пушки и порохъ, назначенные въ даръ хивинскому хану. Повода къ этому, равно какъ и къ задержанію хивинскаго посланника, изъ актовъ, здѣсь найденныхъ, нельзя видѣть.

«Отъ посланника Ашуръ-Бека, уважаемому и честному Михаилу Ильичу почтеніе, поклонъ и на многія лѣта здравія. Бѣлому Царю добраго здоровья. Будьте и вы здоровы. Я пріѣхалъ сюда по указу Государеву, и куда хочу, могу ѣхать. Но вы меня уже нѣсколько времени держите. Если вы задерживаете меня по указу Царскому, то дайте семимѣсячный кормъ и хорошую квартиру (10), а если безъ указу дайте дорогу въ какую сторону хотите, я той и пойду. Да здравствуетъ Государь! Назадъ тому пять мѣсяцевъ, отъ меня посланъ въ Казань человѣкъ; до сихъ поръ неимѣю о немъ никакого извѣстія; живъ ли онъ или померъ, извѣстите меня и объ этомъ — мнѣ надобно знать. Вы другъ мой, но вотъ уже нѣсколько времени, какъ больны. Мнѣ бы слѣдовало притти и спросить о здоровьѣ вашемъ. Если есть время, пришлите за мной кого нибудь—я приду, увижусь съ вами и поговорю.»

«P. S. Теперь съ мѣсяцъ будетъ, какъ мнѣ не даютъ дровъ, что за причина тому?»

Въ печати (11): Ашуръ Мухаммедъ мулла Мухаммедовъ.

5. № 33—письмо хивинскаго посланника Ашуръ-Бека, отъ іюня 1715 г., къ оберъ-коменданту же Чирикову, на татарскомъ языкѣ:

«Отъ Ашуръ-Бека посланника, честному и почтенному Михаилу Ильичу почтеніе и поклонъ. На многія лѣта, да здравствуетъ Бѣлый Царь, равно и вы. Извѣщаю васъ: въ знакъ милости, мнѣ пожаловано Бѣлымъ Царемъ 6 пушекъ съ порохомъ, ядрами и пенькой, такъ же 8 паръ соболей и 5 драгоцѣнныхъ занавѣсей (лаеданъ). Пожалованное Царемъ назадъ не берется, такъ какъ вода изъ моря назадъ не обращается. Но вы отобрали у меня пушки. Скажите, по указу Государеву вы ихъ взяли, или сами собой?»

6. № 38—письмо изъ Тюпъ-Карагана, полученное въ Астрахани 25 іюля 1715 г., отъ старшинъ и тамошнихъ Туркменъ, на татарскомъ языкѣ:

---

(10) Хивинскимъ и другимъ посланникамъ въ Астрахани, какъ и въ Москвѣ, обыкновенно выдавались на содержаніе кормовыя деньги и съѣстные припасы. Посланники стояли на посольскихъ дворахъ, и при нихъ находился приставъ. Если же, по непріязненнымъ отношеніямъ къ ихъ государямъ, ихъ задерживали, то выдача кормовыхъ денегъ и припасовъ прекращалась. Пристава отъ нихъ брали и съ посольскаго двора сводили.

(11) Вмѣсто подписи, не умѣющіе писать, и до сего времени, прикладываютъ свою печать.

«Во имя Всемогущаго Бога!

«Счастливому, милостивому и почтенному астраханскому боярину желаемъ здравія, Великому Государю дай Богъ такъ же на многія лѣта здравствовать. Болѣе трехъ сотъ лѣтъ (12), мы живемъ съ вами въ мирѣ и согласіи, и болѣе нежели отцы и дѣды наши расположены къ вамъ, и въ знакъ этого мы жали другъ другу руки. Давлетъ-Гирей, султанъ (13), сказавши, что онъ отправленъ по приказанію Царскому, былъ здѣсь, и мы по дружбѣ съ Царемъ и съ вами, бояре, оказали ему пособіе, и онъ объявилъ намъ свою любовь. Онъ теперь уже уѣхалъ отсюда и взялъ съ собою отъ насъ 3 человѣкъ, сдѣлавши ихъ кашеварами. Какъ кучкару, отправившемуся прежде, такъ и симъ 3 человѣкамъ, окажите милость, и отпустите купеческое судно. Съ почтеніемъ остаемся.»

7. № 68—письмо хивинскаго посланника Ашуръ-Бека, отъ 1 ноября 1715 г., къ оберъ-коменданту Чирикову, на татарскомъ языкѣ:

«Честному, искреннему и почтенному Михаилѣ Ильичу да будетъ извѣстно:

«Бѣлому Царю на многія лѣта здравствовать. Будьте и вы здоровы. Я пріѣхалъ сюда по указу Государеву, чтобы ѣхать тою дорогою, которою мнѣ надобно. Но нѣсколько времени медлилъ потому, что въ Хивѣ убили хана. На мѣсто его вступилъ было ханъ изъ Каракалпаковъ и тотъ умеръ.

«Теперь ханомъ Ширгазы изъ Бухары. Онъ знаетъ меня и цѣнитъ въ тысячу разъ, и болѣе, нежели Ядигеръ. Возвратите мнѣ пушки, дайте путевыхъ денегъ, и отправьте въ дорогу, вмѣстѣ съ караваномъ; а за этимъ караваномъ пойдутъ взадъ и впередъ другіе (14). Когда не даете позволенія, то выдайте мнѣ на

---

(12) Со времени сношеній Русскихъ съ Туркменами восточнаго берега Каспійскаго моря, начавшихся изъ Астрахани съ тѣхъ поръ, когда изъ Астрахани стали отправляться, для торговли, суда наши на сартынское, кабаклыцкое и тюпъ-караганское пристанище, а изъ Тюпъ-Карагана возникла торговля съ Хивой, до 1715 г. протекло не болѣе 150 лѣтъ. Слова Туркменъ, въ этомъ письмѣ, что они болѣе 300 лѣтъ въ мирѣ и согласіи съ Русскими, обыкновенныя азіятскія преувеличиванія и служатъ только для показанія давности дружескихъ сношеній съ Русскими.

(13) Давлетъ-Гиръ — слово персидское и значитъ: покоритель владѣній. Князь Бековичъ-Черкасскій, котораго Хивинцы и Туркменцы называли Давлетъ-Гирей-султаномъ, можетъ быть, самъ для себя избралъ это имя на время похода въ Хиву.

(14) То есть возобновятся торговыя сношенія между Хивинцами и Русскими, вѣроятно, прерванныя задержаніемъ Ашуръ-Бека въ Астрахани.

содержаніе. На слова сіи пришлите съ какимъ нибудь благонадежнымъ человѣкомъ отвѣтъ, или призовите меня самого объясниться. Да здравствуетъ Бѣлый Царь на многія лѣта!»

2.

Изъ связки писемъ отъ калмыцкихъ владѣльцевъ и другихъ лицъ къ астраханскому оберъ-коменданту Чирикову, названной въ описи того же архива: «Столпъ о пріѣздѣ Аюки-хана съ Кубани 1717 года».

8. № 24—письмо, полученное въ Астрахани 6 мая 1717 г. отъ туркменскаго Шидаметъ-султана (15) къ оберъ-коменданту Чирикову, на татарскомъ языкѣ:

«Во имя Всемогущаго Бога!

«Почтенному, милостивому астраханскому князю на многія лѣта съ Государемъ здравствовать. Народъ здѣшній—вашъ народъ. Сто лѣтъ съ Государемъ мы въ дружбѣ и ему къ намъ надобно быть милостивымъ. Для Царя вашего мы всѣ до одного съ Давлетъ-Гиреемъ-султаномъ (Бековичемъ) друзья.

«Мы отправили на суднѣ Тукланчи къ хану Чакдорчжабу съ 10 человѣками карачу. Что будетъ слѣдовать съ нашихъ людей за перевозъ и въ таможню пошлины, увѣдомьте. Ни разу еще мы другъ съ друга съ давнихъ поръ не брали пошлинъ. Пожалуйста, не оставь этихъ людей.»

Въ печати слова: Шидаметъ-султанъ.

9) № 42 — письмо отъ туркменскаго Шидаметъ-султана къ оберъ-коменданту же Чирикову, полученное въ Астрахани 16 августа 1717 года, на татарскомъ языкѣ:

«Высокоименитому, счастливому и даропочтенному астраханскому боярину, на многія лѣта желаемъ здравія: мы, при помощи Божіей, въ своихъ юртахъ здоровы, сто лѣтъ въ дружбѣ съ Царемъ, и что можемъ дѣлать хорошаго для него—дѣлаемъ.

«Для чего казеннымъ судамъ, которыя ходятъ сюда, не позволяете останавливаться на прежнихъ пристаняхъ? или, можетъ быть, думаете, что астраханскіе товары не будутъ тутъ продаваться? Напротивъ, еще лучше прежняго, мы ручаемся за это.

(15) Это письмо, вѣроятно, отъ Туркменъ, кочевавшихъ у Красноводскаго залива, съ которыми Бековичъ, находившійся тогда для отысканія стараго потока и плотины Аму-Дарьи въ тѣхъ мѣстахъ, имѣлъ въ то время сношенія. Сношенія Русскихъ съ этими Туркменами начались гораздо позже, нежели съ тюпъ-караганскими. Шудаметъ-султанъ поэтому и говоритъ въ письмѣ своемъ, что «сто лѣтъ мы въ дружбѣ съ Государемъ».

«Когда мы были въ Астрахани, то съ Федоромъ Фачмачомъ (?) заключили дружбу и ударили по рукамъ, чтобы жить въ согласіи, лучше прежняго. И съ тобой послѣ, Михаилъ Ильичъ, подружились, и ты далъ намъ Царскую грамоту, записавши ее въ шнуровую книгу. Почему же посланнымъ нынѣ къ вамъ никакой не дано грамоты? Будьте миролюбивы. Давлетъ-Гирею (Бековичу), бывшему у насъ, мы дѣлали добро, сколько могли. Ходившихъ сюда прежде купеческихъ судовъ не задерживайте, послушайтесь насъ. Мы отправили къ вамъ Телева. За старую дружбу нашу, наградите насъ чѣмъ нибудь. Судно купца Семена не задерживайте. Телевъ отправленъ къ вамъ мѣсяца рамазана 8 числа. И такъ кланяемся.»

10) № 48—письмо отъ Булакъ-Бакши и другихъ Туркменъ къ оберъ-коменданту же, полученное въ Астрахани 17 сентября 1717 года, на татарскомъ языкѣ: (16)

«Во имя Всемогущаго Бога!

«Къ почетному, уважаемому и счастливому обращаются наши слова. Да будетъ астраханскій князь на многія лѣта здоровъ: цѣлые сто лѣтъ мы съ вами въ дружбѣ, такъ какъ и теперь. За дружбу съ Давлетъ-Гиреемъ (Бековичемъ) мы съ Хивой поссорились. Изъ Мангышлака, Фалятъ Бахмія и Ишъ-Булатъ-Богатыря онъ отправилъ домой, а Ходжу Нефеса сдѣлалъ караванъ-башей (путеводитель каравана) и пошелъ въ путь (17). Но Ходжа Нефесъ, видя въ дорогѣ недоброе, бѣжалъ съ двумя ясырями домой.

«Мы, ради дружбы, въ Астрахань къ вамъ отправили Ходжу Нефеса, а до него Кучкаръ-Мурата, Теляка и Ніяза для того же.

«Когда пойдетъ сюда какое нибудь судно, не задерживайте ихъ, посылайте. Если судно будетъ купеческое, то велите пристать ему къ мѣстечку Сартами. Оно очень удобно для торговли. Мы живемъ въ мѣстечкѣ Тюпъ-Караганъ, и въ добромъ съ вами миру. Съ Давлетъ-Гиреемъ (Бековичемъ) до Кизилъ-су

---

(16) Это письмо отъ Туркменъ тюпъ-караганскихъ.

(17) Здѣсь говорится о походѣ Бековича-Черкасскаго въ Хиву лѣтомъ 1717 г. Проводниковъ для пути онъ дѣйствительно бралъ у Туркменъ тюпъ-караганскихъ. Ходжа Нефесъ тотъ самый, который былъ въ Петербургѣ и разсказами своими подалъ поводъ къ экспедиціи Бековича къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря. Въ походѣ Бековича въ Хиву, онъ былъ караванъ-башъ, или главный проводникъ его каравана. До письма, здѣсь приведеннаго, не было извѣстно, что онъ бѣжалъ отъ Бековича съ пути.

(Красноводска) мы отпустили 70 человѣкъ. За это онъ обѣщалъ намъ 140 четвертей муки, говоря, что мы получимъ ее изъ тюпъ-караганской пристани. Одну половину муки бѣлой, другую черной. Въ доказательство дружбы, пришлите намъ эту муку. На пути въ Хиву, по выходѣ изъ Красноводска (18), у него пало 5 верблюдовъ и 5 лошадей. Обо всемъ этомъ, мы думаемъ, вамъ извѣстно.»

11) № 48—письмо отъ Туркменца Шидамета-султана и другихъ старшинъ къ оберъ-коменданту же Чирикову, полученное въ Астрахани 17 же сентября 1717 года, на татарскомъ языкѣ:

«Почтенному, милостивому, счастливому и достойному. Да здравствуетъ великій падишахъ на многія лѣта! Аюка-ханъ съ вами другъ, и мы въ мирѣ съ нимъ, и готовы ему дѣлать добро во всякомъ дѣлѣ. Мы живемъ въ Мангышлакѣ, съ нимъ сосѣди, чрезъ него сдѣлались врагами Хивы, и чрезъ него надѣемся на милость вашу. Пожалуйста, не откажите въ провіантѣ.

Сеидъ-Мухаммедъ-султанъ-Бекчи, Ходжи, Ніязъ-Бекъ, Телякъ-Берди-Яучи, Хурамязъ-кунъ-дерви и Сулейманъ-Уразъ Мухаммедъ-Хафизъ.»

12) № 54—письмо, 27 сентября 1717 г., отъ хивинскаго посланника Ашуръ-Бека къ князю Гагарину, на татарскомъ языкѣ.

«Князю Гагарину:

«Счастливому, высокомощному Великаго Государя, великому князю, любимому Царемъ князю Гагарину, кланяясь докладываемъ:

«25 мѣсяцевъ меня держали въ Астрахани, но по волѣ Царской и милости вашей, Михаилъ Ильичъ (19) мнѣ много добра здѣлалъ. Михаилъ Ильичъ—прекрасный человѣкъ. Если кто Великому Государю наскажетъ на него что нибудь худое, вы защитите; ибо по волѣ Царской и милости вашей, съ одного слова вашего, онъ сдѣлалъ чрезвычайно много для меня хорошаго. Вы обѣщались прислать ко мнѣ человѣка своего, но я 25 мѣсяцевъ прожилъ въ Астрахани и никого не видалъ. Прочее

---

(18) Это должно отнести ко времени выступленія Бековича изъ Красноводска сухопутно въ Астрахань, ибо никакого другаго сухопутнаго выступленія оттуда не было. Нельзя также предполагать, чтобы изъ Красноводской крѣпости выслано было къ главному отряду какое либо подкрѣпленіе: объ этомъ никто ничего не упоминаетъ, да и самый отрядъ Бековича во время присылки этого письма (17 сентября 1717 года) уже не существовалъ.

(19) Оберъ-комендантъ астраханскій Чириковъ.

вы сами все знаете. Если, при помощи Божіей, какъ Государь, такъ и вы, мой доброжелатель, будете живы и здоровы, я еще надѣюсь быть къ услугамъ; мой сынъ вамъ премного кланяется.»

Письмо писано 1128 года (по магометанскому счисленію), шеваля мѣсяца 21 дня.

Хивинскій посланникъ Ашуръ-Бекъ.

13) Показаніе Туркменца Телева-Шейданова съ товарищами, астраханскому оберъ-коменданту Чирикову, 16 августа 1717 года, о русскихъ гарнизонахъ въ Тюпъ-Караганѣ и Красноводскѣ, объ извѣстіяхъ, о походѣ Бековича-Черкасскаго и о посылкѣ Туркменами для провѣдыванія о Бековичѣ.

Изъ связки писемъ отъ калмыцкихъ владѣльцевъ и другихъ лицъ къ оберъ-коменданту Чирикову, названной въ описи архива астраханскаго калмыцкаго управленія: «Столпъ о пріѣздѣ Аюка-хана съ Кубани 1717 года, № 41».

«Прислали де ихъ Трухмены отъ Шидамамбета-султана съ письмами до Астрахани, тому де нынѣ одинадцатый день. И при нихъ де въ Тюпъ-Караганѣ и на Красныхъ водахъ Царскаго Величества ратные люди всѣ въ добромъ здоровьѣ; а отъ капитана де князя Черкасскаго въ Тюпъ-Карагань и на Красные воды, гдѣ онъ обрѣтается, вѣдомости не бывало. А слышалъ де онъ Телевъ отъ пріѣзжаго Трухменца, который живетъ домомъ въ Хивѣ, пріѣдучи де изъ Хивы въ Трухмень сказывалъ князь де съ ратными людьми, отъ Хивы ходу дни за 3 или 4 стоитъ, и въ Хиву де послалъ Михаила Корейтова, съ нимъ 120 человѣкъ; а изъ Хивы де ханъ къ нему князю прислалъ изъ посланныхъ, которые посланы съ Михаиломъ, одного человѣка, да другаго де человѣка своего ханъ прислалъ къ князю для подлинной вѣдомости, для чего де онъ князь съ ратными людьми онъ прибылъ? И сбираетъ де ханъ ратныхъ своихъ людей, для съѣзду съ нимъ, княземъ, а сколько сбираетъ, не знаетъ. И солдатъ де ихъ пріѣзжалъ въ Тюпъ-Карагань къ полковнику. Совѣтовавши, послалъ трухменскій салтанъ 4 человѣкъ, для провѣдыванія, гдѣ подлинно князь съ ратными людьми обрѣтается и что у нихъ какой промыслъ чинится? и послалъ тѣхъ 4 человѣкъ въ тотъ же день, какъ онъ въ Астрахань поѣхалъ.»

КАРТА

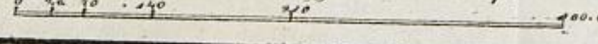
ОРЕНБУРГСКАГО КРАЯ

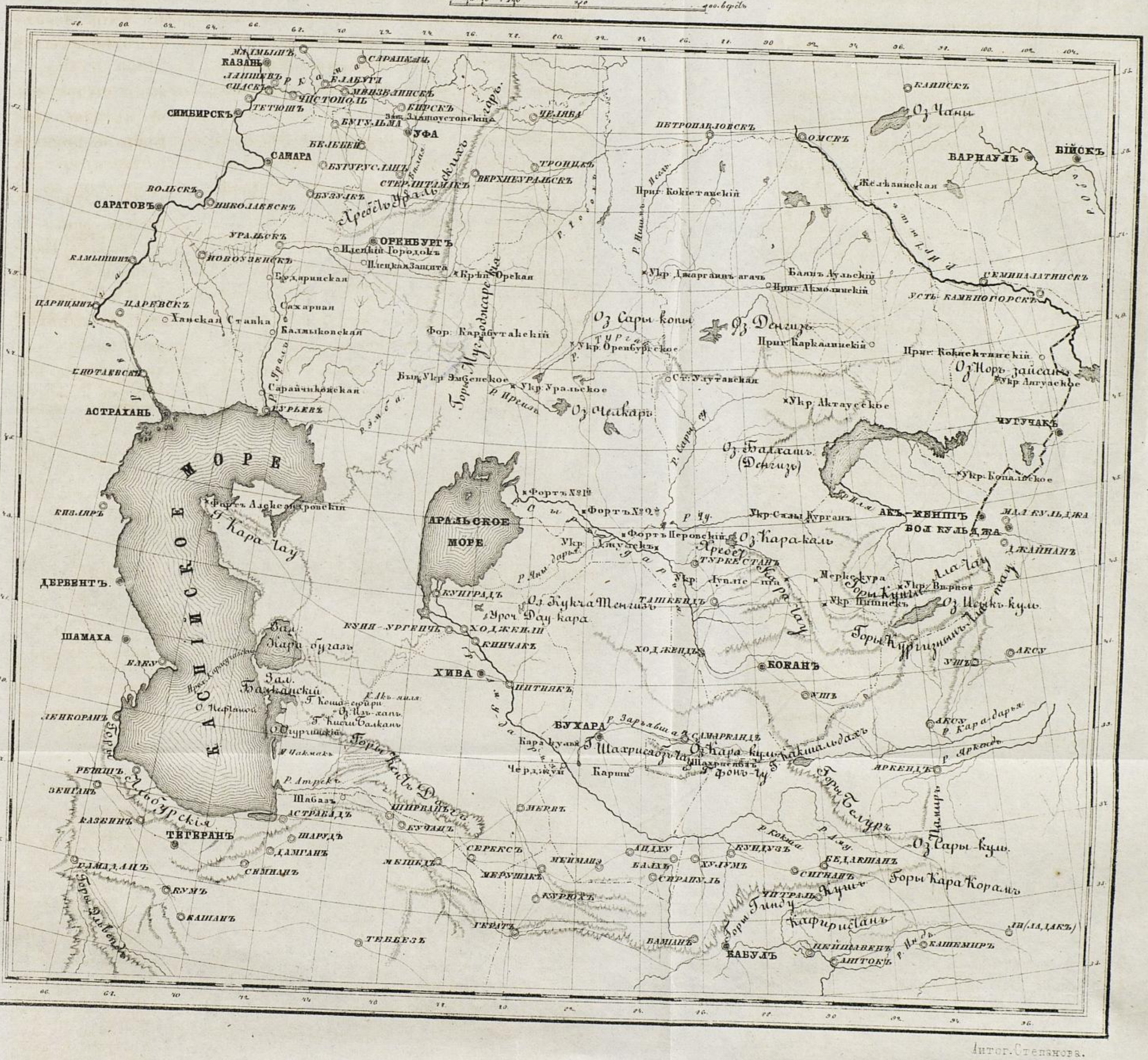
съ прилегающими къ нему землями

СРЕДНЕЙ АЗІИ

Масштабъ

Въ Англійскомъ дюймѣ 220 Верс.




КАЗАНЬ
СИМБИРСКЪ
САМАРА
САРАТОВЪ
ЦАРИЦЫНЪ
АСТРАХАНЬ
ОРЕНБУРГЪ
УФА
БИРСКЪ
ЧИСТОПОЛЬ
ЧЕЛЯБА
ТРОИЦКЪ
ПЕТРОПАВЛОВСКЪ
ОМСКЪ
БАРНАУЛЪ
БІЙСКЪ
КАЛИСКЪ
Оз Чаны
СЕМИПАЛАТИНСКЪ
УСТЬ-КАМЕНОГОРСКЪ
Оз Сары-копы
Оз Денгизъ
Оз Челкаръ
Оз Балгашъ (Денгизъ)
Оз Кара-каль
Оз Кукча Денгизъ
Оз Иссыкъ-куль
Оз Сары-куль
Оз Нор-зайсанъ
ЧУГУЧАКЪ
АКЪ-ЖЕНІЙ
ВОЛ КУЛЬДЖА
МАЛ КУЛЬДЖА
ДЖАЙНАНЪ
ВЕРХНЕУРАЛЬСКЪ
СТЕРЛИТАМАКЪ
УРАЛЬСКЪ
НОВОУЗЕНСКЪ
ВОЛЬСКЪ
НИКОЛАЕВСКЪ
ЛЕНКОРАНЬ
ДЕРБЕНТЪ
ШАМАХА
БАКУ
ХИВА
БУХАРА
САМАРКАНДЪ
ТАШКЕНДЪ
ХОДЖЕНДЪ
КОКАНЪ
УШЪ
АКСУ
ТЕГЕРАНЪ
ТЕВРИЗЪ
ГЕРАТЪ
КАБУЛЪ
КАШЕМИРЪ
Каспійское море
Аральское море
Хребетъ Уральскихъ горъ
Горы Мугоджарскія
Горы Кавказскія
Горы Тянь-шанскія
Горы Кара Корамъ
Горы Гиндукушъ
Горы Бълурскія
Горы Эльбурскія
Горы Курдистанскія
Горы Кирпизинъ-Кайсацкія
Форт Александровскій
Форт №1
Форт №2
Форт Перовскій
Укр. Оренбургское
Укр. Уральское
Укр. Эмбенское
Укр. Актауское
Укр. Сары Курганъ
Укр. Копальское
Укр. Джаркантъ агачь
Укр. Кокпектинскій
Укр. Аягузское
Укр. Верное
Укр. Пишпекъ
Ст. Уйтавская
Прик. Акмолинскій
Прик. Каркалинскій
Прик. Кокпектинскій
Баишъ Лузьскій
Келбинская
Прик. Kokietawskiй
Мерке-кура
Кара-тау
Ала-тау
Тургай
Ишимъ
Ишимъ
Ишимъ